

Юрина Баранова

Испытание
мечтой

ИЛИ ПОДРУГИ ПОНЕВОЛЕ

16+

Ирина Ваганова

**Испытание мечтой,
или Подруги поневоле**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ваганова И.

Испытание мечтой, или Подруги поневоле / И. Ваганова —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04222-3

Не думала, что мечта о необычной профессии приведёт меня в школу заклятий. Бонус: попадание в проклятый мир да ещё в компании с избалованной дочерью крутого бизнесмена. Всё бы ничего, но угораздило влюбиться в куратора, а тот симпатизирует моей красивой подружке. Придётся преуспеть в учёбе, изобрести подходящее заклинание и решить все проблемы. Какие? А как пойдёт: либо свои, либо мира.

ISBN 978-5-532-04222-3

© Ваганова И., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1. Знакомство	5
2. Из огня да в полымя	12
3. Мы попали	18
4. Самозванки	26
5. Школа	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

1. Знакомство

В столичном воздухе носились ароматы лопнувших почек и сохранившегося в закутках снега. Апрельское солнце золотило стены домов и отражалось от стёкол, пуская зайчиков. Тщательно выметенный тротуар поблёскивал свежей плиткой, сквозь приствольную решётку торчала ещё не припорошенная пылью трава – юная и беспечная. Я разглядывала своё отражение в каждой новой витрине, словно за сотню-другую шагов облик мог кардинально измениться. Ничего, естественно, не менялось, и лицо так и оставалось хмурым – мне предстояла лишённая приятности встреча.

Вообще-то я человек спокойный, даже непрошибаемый, как любит говорить наш главбух. Но тут уже достало! Бывший парень регулярно брал кредиты и – по привычке или из вредности, что вероятнее – сообщал мой номер телефона, как контактный. Сколько раз на дню можно хладнокровно объяснять, что я не Денис Владимирович Совейко и не общаюсь с ним?! Номер меняла, но этот подлец какими-то хитрыми путями узнал новый.

На секунду я замерла перед входом в пафосный ресторан, куда, по слухам, устроился работать Денис. Он теперь бариста. Снова посмотрелась в стекло и растянула губы в пластмассовой улыбке: не добыю ничего, так хоть кофе выпью.

Двери бесшумно разъехались, приглашая войти. Я замерла на пороге, скользнула взглядом по залу. Столики прятались в огороженных невысокими барьерами зонах, создавая обманчивое впечатление уединённости. В ближайшем таком «кабинете» сидел мужчина, показавшийся мне знакомым. Присмотрелась... Ба! Надо же вот так зайти в ресторан и встретить победителя Евровидения! Певец тоже заметил меня, поднялся из-за стола и шагнул вперёд:

– Добрый день! Алина?

– Здравствуйте... – пролепетала, словно загипнотизированная.

Не то чтобы я тащилась от одного вида медийных лиц, но как-то проняло от неожиданности. Дима подал мне руку, приглашая. Я, всё ещё под впечатлением, приблизилась к нему, но уточнила:

– Не Алина. Меня Лена зовут.

– Разве? – удивился он так, будто сам давал мне имя. Взял со стола планшет и, развернув фотографию девушки, прочёл подпись под ней: – Обед со звездой выиграла Прилучная Алина.

– Похожа, – смутилась я, – неудивительно, что вы обознались.

– Обознался... – разочарованно проговорил певец и посмотрел в сторону входа. – Накладка какая-то. Пятнадцать минут уже прошло. У меня всего полчаса.

– Полчаса на свидание – не маловато ли? – не смогла я скрыть удивления.

Дима улыбнулся, разведя руками:

– Это всего лишь благотворительная акция. Девушка платит за свидание, деньги идут на лечение детей. Обед – одно название. Фотографии, автограф...

– А-а-а... к сожалению, ничем помочь не могу, – я огляделась. Сквозь стекло заметила, как из такси выходит похожая на меня шатенка в джеггинсах и серебряном пиджачке с эффектной серебряной сумочкой. – А вот и ваша Алина! Всего доброго!

Получив в ответ признательно улыбку, я двинулась к бару, где успела заметить долговязую фигуру моего бывшего парня. Запах свежемолотой Арабики бодрил, захотелось выпить «эспрессо». Его и заказала, усаживаясь на высокий табурет.

Кривая усмешка исказила лицо, недавно казавшееся мне красивым:

– Привет, Зая! Смотрю, ты не отчаялась вызвать ревность? – От неожиданности я глотнула воздуха и замерла с раскрытым ртом. Денис облокотился на стойку, приближаясь, и подмигнул: – Решила раскошиться на свидание со знаменитостью?

– Ты об этом? – Я оглянулась.

Дима и Алина уже сидели за столиком и довольно темпераментно беседовали. Не зная, что это благотворительная акция, приняла бы за семейную разборку. Девушка вела себя агрессивно, певец, надо отдать ему должное, сохранял выдержку.

Не собираясь уподобляться незнакомке, я призвала на помощь всё своё хладнокровие и проговорила заранее подготовленную речь. Просила Дениса отпустить, наконец, прошлое и в память о том хорошем, что между нами было, оставить меня в покое. Кофе тем временем сварился, бариста выверенными движениями поставил передо мной чашку и блюдце с маффином, которого я не заказывала.

– Так, значит, хорошее всё-таки было? – насмешливо спросил он.

Ни ссора, ни высказывание взаимных претензий в планы не входили, я отодвинула от себя десерт и взяла чашку, вдыхая умопомрачительный аромат с нотками фруктов и шоколада. Пробовать не спешила, боясь обжечься. Денис, не дождавшись ответа, снова придвинул ко мне маффин:

– С ягодами. Угощайся. За счёт заведения.

Отрицательно покачав головой, я сделала маленький глоток. Всё, что я собиралась сказать – сказала, но не торопилась уходить: раз уж заглянула в дорогой ресторан, воспользуюсь моментом – выпью шикарный кофе. Денис, изображая активную деятельность, что-то переставлял, переключивал, двигал ящички. Он так и не пробил мне чек, а когда я напомнила, громко хмыкнул:

– В память обо всём хорошем.

Я не стала спорить. На раскаяние надеяться было глупо, обещаний Денис никогда не давал, так что презентованный кофе – добрый знак. Очень хотелось надеяться, что бывший не будет раздавать номер моего телефона направо и налево. Пока смаковала напиток, слушала игривые рассуждения Дениса на тему «а не начать ли наши отношения заново». Он всегда был упорным. А ещё имел особенность – умел дистанцироваться от собственных дурных поступков с непосредственностью трёхлетнего ребёнка, мол, как-то так само сделалось, но ведь я всё равно хороший и вы меня всё равно любите.

– Зая, ты знаешь, как я к тебе отношусь, – Денис опять навалился на стойку, придвинувшись так близко, что стоило чуть-чуть податься вперёд, и мы могли бы целоваться.

Пришлось зажмуриться и тряхнуть головой, прогоняя несуразную мысль. Я не знала, как Денис относится ко мне. Вернее так: прежде казалось, что любит, но это было заблуждением. Мы учились в колледже. Самый красивый парень группы даже бровью не вёл в мою сторону. Хорошо ещё, не подсмеивался, как над некоторыми другими девочками. Обратил внимание на невзрачную сокурсницу, прослышав, что та купила квартиру. Ну как купила... Бабушки-дедушки скинулись на первый взнос, и я взяла ипотеку. Могла бы обойтись однокомнатной «хрущёвкой» – денег хватало, но, поразмыслив и просчитав риски, выбрала новую двушку в спальном районе столицы. Работать стала уже со второго курса, благо знание бухгалтерской программы и владение компьютером заинтересовали нескольких работодателей. Желание быстрее расквитаться с долгами навело на мысль сдавать одну комнату. Разумеется, я намеревалась предложить её кому-то из девочек, но всех затмил Денис. Он с таким рвением помогал перевозить и расставлять мебель, что-то подкрашивал, прикручивал, чинил и развешивал, что я выбрала жильцом его. Как-никак мужские руки в доме всегда нужны.

В первый же вечер парень полез ко мне в постель. Даже мысли не допускал, что Леночка-тихоня не мечтает об этом. Чуть не выгнала его из квартиры, так разозлилась, но деньги, выплаченные жильцом вперёд за два месяца, уже успела потратить, вот и поставила условие: живи, но руки не распускай. Денис благополучно забыл об инциденте уже наутро. Принялся ухаживать за мной, словно у нас начинался неторопливый роман. Поначалу я настроилась на оплаченные два месяца, потом как-то привыкла, и наше совместное проживание длилось почти год.

Он делал мне предложение с периодичностью в две недели, я не отвечала согласием. Нельзя сказать, что была против, но что-то меня смущало.

Интуиция работала – вот что.

В один прекраснейший день меня пригласили на очную ставку в полицию. Угрюмого мужика, представленного мне следователем, увидела впервые, о чём и сообщила. Объяснить, откуда у него моя фотография, не могла. Не сразу до меня дошёл смысл предположений лейтенанта, поглядывавшего на меня с нескрываемым сочувствием.

– Кто заинтересован в вашей смерти, Елена Вадимовна?

– Смерти? – таращила я глаза.

– Нанимают убийц только те, кто желает смерти объекту, – поучал меня полицейский.

– Н-не знаю.

– Кто унаследует вашу квартиру?

Я поджала плечами. Родителям вряд ли понадобится жильё в Москве. Они развелись пятнадцать лет назад и разлетелись по миру.

– Бабушки-дедушки? Других родственников нет.

– Муж?

– Не замужем.

– А Денис Владимирович Совейко кем приходится?

– Никем. Мы просто живём вместе.

Лейтенант хмыкнул и забил мои показания в компьютер. Завершив это, снова поднял на меня взгляд:

– Стало быть, сожительствоете. Он сможет претендовать на наследство, если докажет совместное ведение хозяйства.

Я чуть не выпалила, мол, комнату сдаю, какое хозяйство?! Смолчала. Договор мы не заключали, объясняй теперь, что это жилец, а не сожитель. Выселяли Дениса с полицией. Без применения силы, конечно, просто сердобольный лейтенант оказал моральную поддержку: приехал ко мне на квартиру в рамках профилактики преступлений. Дверные замки пришлось поменять.

Разумеется, вины бывший жилец не признавал, смеялся, обзывая параноиком. Меня задело не то, что Денис нанял убийцу – вполне возможно, это не так – а то, что не обиделся, не рассердился за подозрения, а продолжал настаивать на женитьбе. Это нормально?

Нет-нет, не верю, что любит. Не верю.

– О чём задумалась, Зая? – Денис заметил, наконец, что я его не слушаю.

– А? Прости. Так. – Я отодвинула пустую чашку, поблагодарила за кофе и, кивнув на прощанье, пошла к выходу.

– Моё предложение в силе! – крикнул он мне вслед.

Оказавшись на улице, я на секунду-другую задержалась на крыльце, втянула носом тонкий запах влажного воздуха, щурясь, посмотрела в ярко-голубое небо и побрела по тротуару, на ходу застёгивая куртку. Ползущий вдоль бордюра микроавтобус не сразу привлёк внимание. А когда я покосилась на него, дверца с затемнённым стеклом распахнулась, два мужика в масках выскочили и, взяв меня под руки, протащили по асфальту и затолкали в салон. Мой крик заткнули куском скотча. Уже через минуту я сидела примотанная к спинке заднего кресла.

«Блин! Денис! За что?»

В том, что похищение организовал мой бывший, в первые минуты я не усомнилась, хотя резонов у него не было. Отомстить, если собирался, давно успел бы, но ограничился телефонными шалостями. Наследство ему не светило, ведь разрыв наш проходил при свидетелях. Оставалось требование выкупа, но свободных средств у меня не было, и Денис это знал. Заставит

переписать на него квартиру? «Хорошо, что пустила новую жилищку! – успокаивала себя. – Веруня забудет тревогу, когда не вернусь, а полицейские сразу сообразят, кто стоит за похищением».

Девочку-сироту я приютила сразу после того как выставила бывшего – хотела дать ему понять, что местечко занято, да и деньги, чтобы гасить ипотеку, всё ещё были нужны. Посоветовал мне Веру всё тот же жалостливый лейтенант. Девчонка сдавала квартиру, полученную от государства после выпуска из детдома, и вынуждена была мыкаться по углам: то в общежитии у подружек перебивалась, то дачные домики арендовала. Веруня училась на врача, в свободное время подрабатывала санитаркой, но на стипендию и те крохи, что получала, прожить в Москве невозможно, вот и сдавала квартиру, а разницу тратила на еду и книги – читала она катастрофически много. Я привязалась к скуластой конопатой девчонке, несимпатичной, но получившей в дар от природы на удивление красивый цвет глаз. Как она сама говорила: цвет океанской глубины. Мы относились друг к другу как сёстры. Я хоть и старше на три года, постоянно чувствовала заботу Веры. И теперь, зафиксированная в кресле автомобиля, прикидывала, скоро ли подружка сообразит сообщить знакомому лейтенанту о моём исчезновении.

Микроавтобус двигался, никуда не сворачивая. В салоне, кроме водителя и тех громил, что затащили меня, был ещё один – человек-сморчок в тёмных гигантских очках, шуплый коротышка с дымчатыми патлами. Он с самого начала был без маски. Два других типа тоже стащили их, похоже, полагали, что я, сидя за их спинами, не разгляжу лиц. Сморчок среди бандитов был главным. Он сразу стал звонить кому-то, доложил о завершении операции. После нескольких удивлённых междометий пообещал всё исправить и, завершив разговор, приказал водителю разворачиваться.

– Какого?! – возмутился один из громил.

– Не ту взяли, чтоб вас... – зло отреагировал сморчок. Бандиты начали что-то бормотать в своё оправдание, но главный зыркнул на них: – Ша! Заткнитесь, кретины!

Им нужен кто-то другой, меня отпустят! Мысленно я попросила прощения у Дениса за напраслину.

Обрадовалась рано. Микроавтобус притормозил около ресторана, громилы, нацепив маски, выскочили и затащили в салон упирающуюся орущую шатенку – ту самую, что встречалась со звездой. Меня, как выяснилось, никто отпускать не собирался, хоть я и дёргалась, пытаюсь высвободиться, и выла, привлекая внимание, всё что получила: удар по голове, после которого ненадолго отключилась. Когда пришла в сознание, увидела, что мы едем тем же маршрутом, а рядом со мной сидит притороченная к спинке кресла Алина. Рот ей тоже залепили скотчем, поэтому мы могли только переглядываться. Вела себя вторая пленница активнее меня: мычала, топала ногами в серебристых туфлях, время от времени пинала сиденье перед собой, но добилась лишь того, что бугай, сидевший там, переместился ближе к водителю.

Из города нас не вывозили. Поплутав среди одноэтажных слепых зданий, остановились. За гаражными воротами скрывалось вполне жилое помещение. Нас обоих заволокли внутрь и заперли.

Это была мини-квартирка внутри ангара. Остался ли кто-то за дверями, выяснить не получилось: Алина довольно долго, но безрезультатно, колотила в дверь сначала кулаками, а потом каблуком снятой туфли. Я за это время обследовала предоставленное бандитами жилище. Оно оказалось бытовкой, загнанной в гараж для грузовика или автобуса, и состояло из спальни с двумя двухъярусными кроватями, кухоньки, биотуалета и душа. Мобильник – бандиты не обыскивали нас и не забрали сумочки – сеть не ловил. Я на всякий случай набрала сообщение Вере, надеялась незаметно отправить, когда окажусь на улице. Должны же нас рано или поздно вывести отсюда! Хотя, если судить по заполненному продуктами холодильнику, здесь можно неделю тусить.

Обнаружив в одном из стеновых шкафчиков плеер, я запустила музыку. Попались записи «Металлики». Легла на одну из двух нижних кроватей и отключила питание телефона, чтобы не разрядился раньше времени в поисках сети. Игнорируя шум, создаваемый моей сокамерницей, я задремала, что было неудивительно: прошлую ночь почти не спала, прокручивала предстоящий поход к Денису.

Разбудила меня тишина. Я приподнялась на локте и огляделась, не сразу вспомнив, где нахожусь. Алина сидела в двух шагах от меня на трёхноглом табурете и смотрела прямо в лицо. Наверное, её взгляд я и почувствовала сквозь сон. Удивительно, как она мне во лбу дырку не проггла. Я провела пальцами по лбу и щеке, словно и в самом деле сомневалась в их целостности, и кивнула, вопросительно подняв брови, мол, чего уставилась.

– Ты кто? – спросила Алина.

Сев на кровати, я протянула руку:

– Лена. Меня случайно захватили, с тобой перепутали.

Линия тонких губ собеседницы сломалась, изображая либо насмешку, либо брезгливость:

– Тебя? Со мной? – Она плавно покачала головой, не допуская такой возможности: – Бред!

– Идиоты, – согласилась я, не уточнив, что предпочла бы ещё меньше походить на объект похищения. – Есть предположения, зачем ты им понадобилась?

И снова взгляд такой, словно перед ней беспросветная тупица:

– Деньги! Потребуют у моего отца кучу бабок.

Она встала, потянулась, демонстрируя равнодушие к папашиним тратам, и стала прохаживаться мимо меня. Я тоже выбралась на свет, чтобы не любоваться на нижнюю половину девушки. Допускаю, что у парней могут быть другие вкусы, но мне интереснее смотреть собеседнице в лицо.

– Надеюсь, скоро отпустят, – сказала, чтобы не молчать. – Похитители прятали лица, значит, убивать не собираются. И условия вполне приемлемые.

– Что? – вытаращила глаза Алина. – Эти условия? Приемлемые? Какие ж тогда неприемлемые?

Я дёрнула плечами:

– Надеюсь, не доведётся узнать.

Алина картинно махнула рукой и продолжила ходить по комнатке. Она щурилась, разглядывая потолок, машинально поправляла волосы то одной, то другой рукой и о чём-то размышляла. Я перешла в кухню – решила вскипятить чайник. Время шло к вечеру, и чашка кофе, дарованная Денисом, давным-давно забылась. Вымыла с содой две чашки, обдала их кипятком и заварила найденные в ящике стола пакетики каркаде. Крошечное пространство наполнилось ароматом суданской розы. Алина, уловив его, заглянула:

– Готово?

– Присоединяйся, – пригласила я и указала на миниатюрную раковину в углу: – Руки здесь можно сполоснуть, правда, мыло только хозяйственное.

Собака моя нелюбезно высказалась в адрес тюремщиков, но руки вымыла с тем, что есть, и уселась напротив меня. С минуту мы молчали, цедили кисловатый напиток, хрустели солёными крекерами. Наконец, Алина заговорила:

– Представляешь, говорит: вы опоздали, у меня только пятнадцать минут. Каково?

– Кто говорит? – не поняла я.

– Дима. Я, главное, такие деньги плачу, а он ещё будет привередничать!

– А-а-а... Ну так у него график. Репетиции, записи, концерты... Наверное, не просто выкроить полчаса на встречу с незнакомкой. В твоих интересах было не опаздывать.

– Что?! Ты кто здесь?! – возмутилась Алина. Она допила и грохнула чашкой об стол: – Сказала, что половину заплачу, раз он так! И это ему не понравилось. А мне, думаешь, понравилось, что вместо обещанных тридцати у меня пятнадцать?

Я успела пожалеть, что сунулась со своими доводами – в конце концов, певец меня в адвокаты не нанимал, и всё-таки заметила:

– Он же не себе деньги забирает! Они в благотворительный фонд идут. Больным детям. Кого ты наказывала?

– Пф-ф-ф... – Алина снова изогнула губы в презрительной улыбке, – больных детишек жалеешь? Себя пожалей!

В тот момент я реально пожалела, что меня похитили не одну. Раз уж выпала такая судьба, нельзя ли компанию заменить? Сказать я ничего не успела. Заскрежетали, открываясь и закрываясь ворота гаража, потом щёлкнул замок в двери бытовки. Мы, чуть не столкнувшись с Алиной, выскочили из кухни и увидели двух бугаёв, заполнивших собой прихожую. Оба были в балаклавах. Один остался у двери, второй шагнул нам навстречу, наставив на Алину смартфон:

– Улыбнись папе, детка!

Та ничего лучше не придумала, как плюнуть прямо в экран. Громила зарычал, надвигаясь и на ходу вытирая смартфон о рукав чёрной футболки. Мы, дружно завизжав, отскочили в глубину кухни. Я вжалась в угол, опираясь на раковину, Алина шлёпнулась на стул и, схватив со стола чашку, загордилась ею.

– Не прикасайся ко мне, мразь! – закричала так звонко, что у меня уши заложило.

– Замри, дур-ра! – скомандовал похититель.

Не представляю, что он там нащёлкал, но если выложить эти фотки в сеть, они бы точно «порвали» Ютьюб.

Пользуясь заминкой, я просочилась мимо фотографа и кинулась к бугаю, загораживавшему выход:

– Отпустите меня, пожалуйста! – как можно жалостливее залепетала. – Я ведь не нужна, по ошибке взяли. Отпустите! За меня некому платить.

Мужик в балаклаве отводил мои руки, мешая оттолкнуть его, и сильнее прижимался спиной к двери:

– Брысь! Брысь, пошла!

– Умоляю! Зачем я вам? – ныла я.

Громила наклонился и шепнул, поглядывая в дверной проём на сообщника:

– Завтра. Потерпи, малыш. – Тут же резко выпрямился и грубовато прикрикнул: – Каму сказано – брысь!

Я не успела отреагировать, второй бандит схватил за лямки комбинезона и оттащил меня назад:

– А ну, не рыпайся!

Обернувшись, я увидела совсем рядом в дырках балаклавы карие косящие глаза. «Особая примета», – мелькнула мысль, но через мгновение меня отшвырнули. Пролетев метра полтора, я затормозила обо что-то не слишком мягкое и чуть не оглохла от вопля. Пока мы с Алиной поднимались с пола, преступники выскользнули за дверь и снова её заперли. Подруга по несчастью бросилась за ними, но не успела и принялась избивать дверь. Я подошла к ней, тронула за плечо:

– Успокойся! Завтра нас отпустят.

– Завтра? – закричала она мне в лицо так, словно мы по моей вине вляпались. – Собираешься ночевать здесь?

Я отшатнулась.

– Да ну тебя! Ори, если связок не жалко.

Вернулась на кухню и, проанализировав содержимое шкафчиков, решила сварить макароны. В холодильнике нашёлся соус. Что ж, утолить голод вполне сгодится. Алина пришла на запах. Аппетит у неё оказался отменный, по фигуре и не подумаешь. Ели мы молча. Посуду пришлось мыть мне. Можно было возмутиться, но поскольку делать всё равно было нечего, я смирилась. Алина играла на телефоне и напевала под нос. Впрочем, довольно благозвучно.

2. Из огня да в полымя

Наутро я проснулась с чугунной головой. Было очень душно. С трудом привела себя в порядок, пришлось намочить полотенце и обмотать лоб. Алина тоже выглядела бледно. Прежде я не представляла, как сильно можно обрадоваться солнцу и ветерку. Ступив за ворота, когда бугаи выпустили нас из гаража, я застыла, запрокинула голову и дышала так глубоко, словно в лёгких раздували меха. Меня держал тот бандит, что накануне шепнул об освобождении. Он спокойно ждал, когда я надышусь. Его приятель успел затолкать Алину в микроавтобус и покрикивал на нас. Я сама пошла в салон. Действительно, что это я торможу?

Мотор работал, за рулём сидел вчерашний водитель – лица его я так и не видела, но узнала потёртую кожаную куртку и бейсболку, из-под которой торчали рыжие кудри. Рядом с водилой развалился сморчок. Он, не обращая внимания на нашу возню, разговаривал по мобильному. Из отрывочных фраз я уяснила, что выкуп получен и пленницу велено отвезти в условленное место. Мы с Алиной переглянулись. Она напустила на себя величественный вид, но за этой маской угадывалось волнение. Я тоже чувствовала себя неуверенно. Только бы всё прошло гладко!

Привезли нас в неизвестный мне парк. Запущенный и безлюдный. Пока со скоростью детского велосипеда двигались вдоль редкого березняка, я прикидывала, как далеко отсюда может быть до метро. Алину наверняка встретят на автомобиле, но с ней ехать не хотелось. Сказать откровенно, вынужденное соседство успело меня основательно утомить. Сумочки наши лежали на кресле у входа, получим, когда приедем – так нам сказали. Мобильный я держала в кармане, даже включила его, но не звонила никому и не отправляла сообщений, опасаясь разозлить бандитов. Ведь нас отпустят? Так чего же суетиться!

Но, как любят говорить в сериалах, что-то пошло не так.

Машина затормозила, уткнувшись в возведённую на дороге баррикаду из поваленных деревьев. Из кустов выскочили одетые в чёрное мужики и, ощетилившись автоматами, застыли. Наши похитители со скоростью испуганных тараканов прыснули во все стороны, одновременно распахнув три дверцы. Алина даже пошевелиться не успела, раскрыв рот, пялилась на происходящее: «наших» скрутили и увели. Один из «чёрных» прыгнул за руль и стал разворачиваться. Ещё пятеро на ходу забрались в салон, двое из них направились в хвост, глядя на нас так, что сомнений в недобрых намерениях не возникло ни на секунду. Я наклонилась, прячась за спинку переднего кресла, и лихорадочно отправляла заготовленное сообщение. Даже умудрилась сунуть телефон за пояс, прикрыв полкой куртки. Боковым зрением увидела, как рябой бандит – эти были без масок – зажимает Алине рот белой тряпкой. В то же мгновение моего лица коснулась влажная ткань с острым неприятным запахом.

Я отключилась.

Сначала почувствовала запах прелой листвы. Потом услышала слабое поскуливание. Лежать было жёстко и неудобно. Села, упираясь ладонями в хрустящее ложе: прямо поверх кучи соломы брошена простынь или покрывало, а может быть, вообще старая штора. Я смогла разглядеть лишь дощатые стены, крошечное окошко под потолком, откуда пробивался сиреневый свет далёкого фонаря, и девушку рядом, и обнимавшую свои колени.

– Алина, – позвала я. Голос был сиплым, пришлось прочистить горло и повторить: – Алин! Слышишь?

Она перестала ныть, пошевелилась, расплетая руки, потрясла затёкшими кистями, обернулась ко мне:

– Очнулась?

– Где мы?

– Хрен его знает! Кричала, никто не отозвался.

Она кричала – это неудивительно, я не слышала – вот это странно. Поднявшись на четвереньки, я подползла к краю кучи, ладонь коснулась утоптанной холодной земли. Встала, шагнула к стенке, провела по ней пальцами: доски нестроганные, шершавые. Занозила палец. Неглубоко. Вытащила зубами щепку, выплюнула.

– Сарай какой-то.

– У меня мобильный сдох, – пожаловалась Алина.

Ещё бы! Вчера целый вечер в игрушках торчала. Я нащупала за поясом смартфон. Не обыскали, вот удача! Мертвенно бледный свет выхватил из тьмы кусок пространства. Я успела только заметить сотню непрочитанных сообщений и непринятых звонков. Алина, словно подхваченная смерчем, вскочила и, оказавшись рядом, вырвала у меня телефон.

– Э-э, – возмутилась я, – отдай!

Не тут-то было! Поворачиваясь ко мне спиной и отпихиваясь растопыренными локтями, словно квочка, защищавшая цыплят, Алина набрала номер. Раздалась гудки. О чудо! Сеть есть! Значит, нас увезли не так и далеко.

– Папа! Я!.. Да!.. Нас похитили у похитителей... Ещё одна девчонка... Нет, за неё не платят... Не знаю! Хорошо... Этот. Мой сел... Да негде зарядить, о чём ты? Здесь сарай какой-то...

Она замолчала, слушая абонента. До меня доносилось бубнение низкого голоса. Алина переминалась с ноги на ногу, время от времени угукая. Я ждала окончания разговора. Убеждала себя, что скоро всё наладится. Отец Алины сообщит в полицию, они определят наше местонахождение по локации телефона и пришлют группу захвата. Главное, чтобы бандиты не прибили нас, почуяв опасность.

Я осмотрелась внимательнее. В той стене, где заметила окошко, была ещё и дверь. Рядом с ней стояла наполненная водой бочка, на ней висел алюминиевый ковшик. Я окунула пальцы в воду, поднесла к носу, принюхалась. Пить хотелось нестерпимо.

– Нормальная. Я пила, – сообщила Алина, она уже стояла рядом со мной и протягивала телефон.

Я тут же спрятала его в карман и набрала воды в ковшик. Делала огромные глотки, рискуя захлебнуться. Алина, дождавшись, когда я прекращу булькать, потащила меня к противоположной стене. Предчувствуя что-то не слишком приятное, я брела, так и держа ковшик.

– Что стряслось? – спросила, но тут же почувствовала толчок в бок.

– Тс-с-с, вдруг подслушивают, – зашептала Алина. – Короче так. Надо бежать. Нас не отпустят.

– Почему?

– Отморозок один давно под отца копал, а теперь воспользовался ситуацией – хочет бизнес отжать. – Угадав мои мысли относительно ценности бизнеса в сравнении с жизнью дочери, Алина пояснила: – Своё получит и убьёт. Он не их тех, кто выполняет условия. Так что у нас три дня. Столько отец сможет тянуть.

– А что через три дня?

– Сообщит наше местонахождение в полицию.

– Ну?

В этом «ну» звучала надежда, но собеседница только головой покачала:

– Живыми нас не отдадут.

Я молча постукивала себя по ноге ковшиком. Эта мажорка не въехала в ситуацию или она реально такая выдержанная? Навалившись на стену плечом и убедившись, что сарай стоит крепко, я спросила:

– Как предлагаешь выбираться отсюда?

Алина провела двумя ладонями по волосам, потом взбила их, придавая объём, и снова зашептала:

– Притаимся около двери, а когда кто-нибудь принесёт еду, дадим ему чем-нибудь по башке, отберём оружие и будем прорываться.

– Отличный план, – саркастически заметила я.

– Предложи свой, – хмуро отвесила она.

Я пошла вдоль стены, толкая от себя одну доску за другой в надежде найти брешь. Сарай хоть и был старым, но построили его на совесть. По углам врытые в землю столбы, к которым прибиты поперечины, к которым крепились стены из досок, прибитых внахлест – без инструментов поддеть и выворотить не получится.

– Неплохо заранее понимать, куда прорываться. Ты представляешь, что там? – я указала на дверь. Алина отрицательно покачала головой. Дойдя до окна, я наступила на поперечину и подтянулась, чтобы выглянуть.

Рама хоть и со скрипом, но поддавалась, я отодвинула её и высунулась почти по плечи. Пролезть в маленькое отверстие не получится, но осмотреться можно.

Довольно большой двор завален строительным мусором. Слева поодаль стоял ещё не отделанный трёхэтажный особняк, около него беседка, там сидели, уткнувшись в свои телефоны, трое мужиков. На столике перед ними на одноразовых тарелках лежали, судя по запаху дыма и жареного мяса, куски шашлыка. Рассмотрела я и пустые бутылки, валявшиеся на полу беседки.

Справа участок ограничивался забором из профнастила – сарай стоял к нему впритык. Около ворот я заметила собачью будку. Огромный пёс высунул башку с торчащими ушами и уставился на меня. Я замерла. Пёс гавкнул для порядка и вылез наружу, продолжая наблюдение. Отсюда до ворот довольно далеко, и бежать к ним мог только сумасшедший. Сходу перемахнуть через забор не получится – высоко, да и откуда нам знать, что за ним. Можно нарваться охрану злее этой.

Псина снова залаяла, я спряталась, чтобы не привлекать внимание. Из-за противоположной стенки отозвалась другая собака, судя по лаю, меньше и скандальнее.

– Шашлык жрут, – констатировала Алина. Она тоже уловила запах дыма.

– Угу, – подтвердила, забирая назад у неё коврик.

Не особенно слушая рассуждения о том, как именно надо будет нападать на крепких мужиков, когда они принесут шашлык нам, я ещё раз обошла сарай, опустилась на колени около соломенной подстилки. Поскребла землю ручкой ковша. Не очень, но поддаётся. Разгребла солому и принялась рыть подкоп, колупая грунт ручкой, собирая его ковшом и отбрасывая вдоль стены. Алина подошла ближе, привлечённая моей вознёй. С минуту она наблюдала, потом спросила:

– А что там?

– Не знаю. Наверное, другой участок. По крайней мере, там нет охранников и собаки.

– А кто же там возится?

Я прислушалась, прекратив рыть землю. Из-за стены доносилось урчание и шмыгающие звуки.

– Фью-фью... – посвистела я.

Шмурыгание и рычание усилилось. Соседская собачка рыла с другой стороны. Ладно. Справиться вдвоём с одной собакой проще, чем с тремя мужиками и собакой побольше. Я снова принялась за работу.

– Смотри, не испачкайся, а то догадаются, – веско заметила Алина.

Я хмыкнула и попросила:

– У двери стой. Когда сюда пойдут, предупредишь, чтобы я успела соломой замаскировать.

Алина кивнула. Она расхаживала у другой стены и периодически выглядывала в окно. Я увлеклась, копала наперегонки с собачкой, её когти периодически царапали дерево, приободряя меня. Ещё я радовалась тому, что сейчас не жаркое сухое лето, иначе вместо влажной глины я получила бы спёкшийся цемент.

Поясница разнылась из-за неудобной позы, но копать я не переставала, и вдоль стены уже образовался заметный валик из отброшенной земли. Алина прошептала скороговорку:

– Идут. Двое идут! – Она как раз выглянула в окошко.

Я сдвинула солому, прикрыв ей яму, и упала на постеленную рядом тряпку. Дверь, заскрипев, отворилась. Мужик шагнул внутрь и пристроил на бочку фанерный поднос. На него поставил большую миску, доверху заполненную кусками мяса, поджаренными до золотистой корочки, две солдатские кружки с чаем. Второй мужик мялся снаружи, поигрывая амбарным замком.

Мы напряжённо наблюдали за обоими бандитами, и, когда первый вышел, Алина возмущённо спросила:

– А кетчуп? – Из-за закрывшейся двери послышался гогот. – Ничего смешного, – прошипела Алина и крикнула громче: – Нам в туалет надо!

Точно ведь! Руки грязные, а ковшиком уже не воспользуешься.

Дверь снова распахнулась.

– Шевелитесь! Обе, быстро! – Рябой бандит отступил, освобождая проход, и демонстративно поиграл вытасненным из кармана пистолетом. – Не балуй! Пули не пожалею, если что.

Туалет оказался на первом этаже коттеджа. Отделочные работы здесь ещё не были закончены, но горячая вода имелась. Мы по очереди воспользовались унитазом и долго плескались под краном. Возвращаться в сарай ужасно не хотелось, о чём Алина сообщила нашему конвою:

– Поселите нас в доме, места жалко, что ли?

– Поговори мне тут! – рыкнул рябой и ткнул девушку стволом в спину.

Алина охнула и скорчилась:

– Больно!

На шум вышли два других бандита, вид у них был суровый. Чтобы не усугублять ситуацию, я схватила мажорку за локоть и потащила к сараю, шепча на ухо:

– С ума сошла? Из дома-то мы как убежим?

Чай за это время почти остыл. Мясо было жестковато и пересушено, но мы уничтожили всё до последней крошки, ведь после вчерашних макарон у нас во рту ничего, кроме воды, не было. Едва покончили с фуршетом, заскрежетал ключ в замке, на сей раз охранник пришёл один – забрал миску и кружку. Вторую Алина спрятала за спину. В ответ на требовательный жест я заискивающе улыбнулась и попросила:

– Оставьте, а то пить не из чего.

– Ковш куда дели? – буркнул мужик.

– В бочке утонул, – изобразила смущение я.

Мужик зло хлопнул дверью, но добычу не отобрал, что радовало. Неизвестно, когда они соблаговолят кормить нас в следующий раз, а без воды туго придётся.

Снова оказавшись взаперти, мы некоторое время торчали около бочки. Фанера осталась на ней, но теперь там стояла единственная выпрошенная нами кружка.

– Вполне бы мы с ним справились, – философски заметила Алина.

Спорить я не стала, хотя понятно, что, оглушив одного бандита, мы бы напоролась на остальных. Нет, нужно копать дальше. Оставив «постового» у дверей, я снова взялась за погнувшийся от непривычной нагрузки ковш. К сожалению, дело шло медленно.

Несмотря на то, что на следующий день у меня болели все мышцы, а во рту стоял вкус земли, будто её ела, я продолжала рыть. Уже можно было подсунуть под стенкой руку и нашу-

пать траву по ту сторону, но до нужной глубины было ещё далеко, и я сомневалась, что успею за три отведённых дня. Хорошо, что охранники нас не беспокоили, по всей видимости, решив, что одного приёма пищи в день пленницам вполне достаточно. Алина возмущалась, но кричать и чего-то требовать не стала – хватило-таки ума.

В пять часов нам опять приволокли шашлык и чай. Я поела, отвалилась и поняла, что даже шевелиться не могу. Рябой унёс посуду, а я не могла заставить себя подняться.

– Слушай, смени меня, я больше не могу.

– Я? – Алина прекратила хождения и нависла надо мной: удивилась, словно был ещё кто-то, кого я могла бы просить. Она запустила пальцы в волосы, постояла так с минуту, потом с протяжным вздохом, от которого все в округе должны были почувствовать угрызения совести, сказала: – Никогда ничем подобным не занималась.

Меня разобрал смех. Реально колотило. Свернулась калачиком и хохотала до икоты, потом расчихалась – в нос попала соломенная пыль. Еле смогла выговорить:

– Я, по-твоему, профессиональный экскаватор?

Алина изогнула губы в снисходительной улыбке и с видом человека, делавшего великое одолжение, присела на корточки около ямы. Под неторопливое поскрёбывание метала по земле я уснула. Разбудил меня влажный шершавый язык, вылизывающий щёки и подбородок. Открыв глаза, я обнаружила прямо перед собой лохматую морду, чёрный кожаный нос и круглые бусинки тёмно-карих глаз.

– Кто это? – вскрикнула, отпихиваясь от суетливо-вёрткого существа.

– Правда, мимишный? – Алина отложила ковшик и дотянулась до собаки, забирая её себе на колени.

Это был йоркширский терьер, действительно, милый. Пёсик вертелся и тявкал, меня подбросило от возмущения:

– Как он сюда попал?

– В дырку, – весело отозвалась Алина, тиская собачку. – Обожаю лохматиков!

– Гони его! – я упала на колени рядом сумасшедшей парочкой, схватила пса и попыталась засунуть обратно в подкоп. Справиться с вертящимся как заводная игрушка терьером не получалось.

– Ладно тебе! – уговаривала меня Алина, пусть остаётся. Он помогал копать...

– Реально не въезжаешь? Вдруг зайдёт кто и увидит? Как собака сюда пролезла, а? – я сунула пса ей в руки, подбежала к другой стене и выглянула в окно. Как чувствовала: один из бандитов направлялся к сараю. – Идёт! Скорее!

В четыре руки мы протолкнули незваного гостя наружу, я быстро скинула куртку и заткнула ей дыру, Алина припорошила сверху соломой. Оставалось надеяться что, пока мы совершаем санитарную прогулку, пёс не преодолеет хлипкую преграду.

Увы, лаз вполне пригодный для маленькой собачонки, оставался маловат для двух двадцатилетних кобылок. Мы обе были стройными, но поднырнуть под стену на нашем месте сумела бы разве циркачка из тех, кого называют гуттаперчевыми. Нужно было расширять яму и в эту и в другую сторону. Там, на наше счастье, продолжал трудиться терьер. В сарае копали мы с Алиной по очереди.

– У нас ещё день в запасе, – успокаивала она, скорее, себя, чем меня, – следующей ночью уйдём.

– Уйдём, – соглашалась я.

Телефон пришлось выключить для экономии заряда, он понадобится, когда мы удалимся на безопасное расстояние, чтобы сообщить спасателям, где нас искать. В том, что папаша-бизнесмен вышлет за нами десять отрядов спасателей, Алина не сомневалась.

Как позже выяснилось, суток в запасе у нас не было.

Измученные непривычным трудом, под утро мы обе уснули. Громкий лай прямо в ухо заставил меня приподняться и оглядеться. Терьер, убедившись, что я очнулась, принялся за мою соседку: рычал, таскал её зубами за рукав, лаял. Я, не очень-то соображая спросонья, огляделась. Резко пахло керосином, в носу свербело, горло сковал спазм. Различить что-либо было невозможно не столько из-за темноты, сколько...

Дым! Всё пространство сарая заволокло дымом. Нас подожгли! Разбуженная псом Алина сидела на соломе и задавала вопросы. Один за другим десятки или сотни вопросов. Бестолочь! Чтобы хоть как-то ориентироваться, я включила телефон и осветила сарай. Сквозь серую пелену едва проступали очертания двери. Я кинулась туда. Заперто. Выглянула в окно: огонь лизал стену с плотоядным потрескиванием.

– Валим! – крикнула я. Помогла подруге подняться и подтолкнула её к подкосу. Алину потряхивало, она что-то кричала, взывала к совести поджигателей, я же пыталась её утешить: – Тише! Лучше им думать, что мы задохнулись.

К несчастью, драгоценные минуты ушли на возню. Я реально стала задыхаться. Алина змеёй пролезла в дырку под досками, мне пришлось подталкивать её. Когда полезла я, подталкивать было некому, правда, Алина, откашливаясь и отплевываясь, тащила меня за ляжки комбинезона. Хорошо, что эта стена ещё не занялась, мы проползли метров пять и повалились на траву. Вокруг стоял весенний лес. Я лишь успела удивиться, почему соседний участок выглядит таким диким, и куда подевался пёс. Потом навалилась тьма.

3. Мы попали

Не вполне придя в себя, я испытывала блаженство. Мягкое ложе успокаивало натруженные мышцы, а лёгкое одеяло согревало их. Аромат сирени ласкал обоняние. Приятно было думать, что я спала дома, а дым, огонь, сарай и спасавшая меня собака – всего лишь кошмар, пригрезившийся после встречи с Денисом.

– Вера! – позвала я. – Веруня!

– Лен, мы где? – голос Верочке не принадлежал.

Очень хотелось его не узнать, но, увы, этот звонкий тембр порядком поднадоел за время совместного плена, и не узнать его я не могла. Открыла глаза, осмотрелась. Комната – метров шестнадцать квадратных – напоминала хостел или больничную палату где-нибудь в отсталой российской глубинке. Светлые отштукатуренные стены, белый потолок, трёхстворчатое окно с тюлевой занавеской, колыгаемой сквозняком. Из мебели четыре узкие кровати, столько же тумбочек, откидной стол и две табуретки. Всё деревянное, покрашенное в цвет слоновой кости. Та самая шатенка, которую мне совершенно не хотелось видеть, сидела на кровати около окна, подтянув колени к груди и устроив на них острый подбородок. Одета Алина была в просторную ночную рубаху из белой бязи. На мне оказалась в точности такая же.

Я села, спустив ноги с кровати и нащупав шлёпанцы.

– Где наша одежда?

Алина пожалала плечами, выдав очередную глупость:

– Сначала подумала, что мы в раю. Типа умерли и...

– А потом что ты подумала? – прервала я её неторопливые рассуждения.

– Что нас спасли и поместили в психушку.

– Это ближе к истине, – согласилась я, – третий вариант есть?

– Окно открыто, этаж низкий, дверь не заперта. Мы свободны.

Мне стало обидно: почему она первой в себя приходит? Уже в который раз! Подавив глупую эмоцию, я встала, но покачнулась и вынуждена была схватиться за спинку кровати.

– О-ой! Слабость какая!

– Я тоже далеко не смогла уйти, – подтвердила мои впечатления подруга по несчастью, – опои, что ли, чем?

– Думаешь? – В злой умысел хозяев чистой комнатки верить не хотелось. Предположила другое: – Просто надышались угарными газами. Повезло, что нас нашли.

Алина посмотрела на меня долгим взглядом и протяжно вздохнула:

– Давай пока не скажем, кто мы.

– Почему?

– На всякий случай. – Вид у неё был задумчивый, судя по всему, Алина не привыкла принимать важные решения. – Сделаем вид, что память потеряли. Разберёмся в ситуации.

– Ладно. – Я успела проверить тумбочку – никаких вещей там не было. Это настораживало, особенно отсутствие мобильного. Действительно, зачем благодетелям лишать нас связи?

Решение мы приняли вовремя – за дверью послышались шаги и шуршание колёсиков. Дверь резко распахнулась, в комнату заехала тележка, уставленная тарелками и чашками. Катила её одетая в тёмный длинный сарафан и белую блузку с широкими рукавами на удивление несимпатичная девушка.

– Здравствуйте, красавицы! – весело сказала она. – Проснулись? Матушка Афанасия так и предрекла, что к обеду поправитесь! – Она выставляла наши порции на стол, продолжая щебетать: – Ужинать в трапезную позову, а сейчас велено в келье накрыть!

Мы с напарницей слаженно изображали заброшенных в стан врага шпионов: молчали и рассматривали незнакомку. Она уже выкатила тележку за дверь, когда я встрепенулась:

– Вещи наши где?

– А-а! Так я постирала, высушила, отутюжу и принесу. Страсть какие замызганные были штанишки-то! – Девушка вернулась в комнату и заговорщицки зашептала: – Вы из Большого мира? А? Сёстры разделились. Одни говорят, что у нас таких красивых и быть не может, а другие доказывают, что из Большого мира сюда ходу нет.

Мы с Алиной переглянулись, не представляя, как реагировать на столь очевидный бред, но отвечать нам не пришлось – из коридора послышался строгий скрипучий голос:

– Сестра Анфиса! Тебя за смертью посылать?

– Ой, – присела наша кормилица, – пойду, а то, не ровен час, накажут.

Она нырнула за дверь, а мы ещё с минуту боялись пошевелиться. Что это было вообще?

– Я так понимаю, – заговорила Алина, пододвигаясь к столу, – это какой-то монастырь.

– В лучшем случае, – согласилась я, – но больше похоже на секту.

С недоверием покосившись на предложенную еду, я взялась за ложку. Есть хотелось невозможно. Рыбный супчик выглядел аппетитно, булочки, обсыпанные кунжутом, просились в рот, компот из сухофруктов дразнил яблочно-грушевым ароматом. Уже через минуту мы оставили опасения и дружно работали ложками. Алина не забыла напомнить о нашем уговоре:

– Видишь, как я была права? Если это секта, всё имущество заставят переписать на монастырь. А так, раз мы не помним, откуда взялись, то и обобщать нас нельзя.

Пришлось согласиться. Цепь неприятных событий не случилась бы в моей жизни, не окажись я в тот день рядом с мажоркой, и я не была готова к такому повороту. А вот Алина, несмотря на кажущуюся ветреность и взбалмошность, довольно быстро оценивала риски. Воспитывали её иначе, чем меня: столько в ней было недоверия к людям, и понятно, что не природного.

После обеда соседку потянуло на философию. Она и раньше много болтала, но я её разглагольствования игнорировала. Поначалу надеялась расстаться и забыть о существовании этой девицы, потом была занята подготовкой побега и сил на разговоры не имела. Теперь же в тихом спокойном месте после сытного обеда и продолжительного отдыха я была настроена более благодушно и даже отвечала на вопросы.

– О чём ты мечтаешь, Лен?

– Домой поскорее попасть, – я только руками развела, мол, о чём ещё можно сейчас мечтать.

– Нет! Главное желание в жизни.

Алина оперлась на стол и приблизилась, вглядываясь мне в лицо. Глаза у неё серые, мне такие нравились. Не так как синие, но всё же. Мои – карие – казались заурядными, слишком распространёнными. И вообще Алина была реально красивой девушкой. Почему так бывает: одним всего под завязку, а другим крохи? Я отвернулась, неприятно было чувствовать нечто, напоминавшее зависть.

– Я мечтаю учиться в университете.

– Что? Фу, как банально! – Алина встала и принялась ходить по комнате, расчёсывая волосы растопыренными пальцами. – Все только и думают о высшем образовании! Меня родаки тоже хотят в Кембридж загнать!

– Мне это не грозит, – усмехнулась я, – а ты о чём мечтаешь?

– О высоком... – Алина замерла, романтично глядя в потолок, – красивом, влюблённом принце.

Я рассмеялась. Вытирая выступившие от смеха слёзы ладонью, покачала головой:

– Выйти замуж за принца! Как я не догадалась? Это, по-твоему, не банально?

– Зато честно, – она посмотрела на меня с оттенком презрения. – Предлагаешь грезить о карьере юриста или банкира? Может быть, учёного?

Я предпочла промолчать. Мне бы хотелось чего-то особенного: изучать морские глубины, наблюдать звёзды или спасать вымирающие виды животных... Собственно, я ещё не определилась окончательно, в любом случае дело, которому стоило посвятить жизнь, представлялось мне оригинальным, интересным и достойным. А что на поверку? Колледж управления по специальности бухгалтерский учёт. А всё потому, что у меня нет папаша, готового «загнать» дочуру в Кембридж.

Родители хоть и разъехались – один в Канаду, другая в Данию – поддерживали меня до совершеннолетия. И всё же тянуть из них деньги на учёбу было бы слишком: у обоих семьи, по трое детей. Трое! Складывалось впечатление, что мама и папа устроили негласное соревнование. Сидеть у них на шее я не собиралась, спешила добиться самостоятельности. И добилась. Вот только мечта о необычной профессии оставалась пока недостижимой, почти такой же как «выйти замуж за принца».

Задумавшись, отвлеклась от рассуждений Алины. Та, оседлав любимую тему, хвастала знакомствами, делилась впечатлениями от путешествий и встреч с аристократами. Она без шуток рассматривала перспективу породниться с кем-то из них. От снобизма, пронизывающего монолог мажорки, мне стало неудобно. Выбралась из-за стола и, пошатываясь, побрела к распахнутому окну. Буквально на расстоянии вытянутой руки цвела сирень. Вот откуда запах!

– Послушай, – оборвала я речь Алины, – какой сейчас месяц? Конец апреля ведь.

Она скорчила недовольное лицо и пожала плечами:

– Ну. Если мы не валялись в коме полгода, то апрель.

– Двадцать девятое апреля! – Это Анфиса вошла в комнату. – Вашу одежду принесла. Такие необычные вещи! – Она положила стопку на свободную кровать и, восторженно нас рассматривая, спросила: – Вы из какого города?

– Из Москвы, – ответила я на автомате и тут же получила тычок от Алины.

– Ой, – разочарованно отреагировала Анфиса, – захолустье! Мы-то решили, что из столицы такие красавицы пожаловали.

– Что у нас столица? – едва слышно спросила я, получив очередное подтверждение, что попали мы с подружкой либо в секту, либо к сумасшедшим.

Девушка замерла около стола – она собирала грязную посуду – и мечтательно закатила глаза:

– Владимир! Я только на картинах видела.

Мы с Алиной переглянулись и, не сговариваясь, пересекли комнату. Она замерла кариатидой у двери, отрезая путь Анфисе, а я приступила с вопросами:

– Владимир, значит, столица, а Москва – захолустье?

– Так, – спокойно откликнулась Анфиса. – Матушка Афанасия обещала экскурсию осенью устроить. Только бы меня до той поры замуж не позвали.

Разговор становился всё интереснее.

– А разве здесь не монастырь? – удивилась я.

– Монастырь, – кивнула Анфиса. – Запомятавали? – она, состроив сочувственную мину, покачала головой. – Бедняжки!

– Сама сказала: замуж, – напомнила Алина.

– Так для того девушек из семей и забирают в монастырь, чтобы замуж выдать.

– Монахинь? – воскликнули мы хором.

– Послушниц, – со вздохом сказала Анфиса. – В монахини редко кто сподобится. У нас и есть одна матушка Афанасия. Пойду! – она показала стопку посуды в руках. – А то накажут. – Алина отступила от двери и даже взялась за ручку, чтобы открыть, но Анфиса торопилась только на словах. Она обернулась ко мне и сообщила будто по секрету: – Цветник-то матушка зачаровала. Она единственная, кто из их курса Школу заклятий с дипломом закончила. Сильная! И вас в порядок привела. Другой кто не справился бы. Такие вы обе были слабенькие.

Она шмыгнула носом, жалея двух красоток из захолустья, и выскользнула за дверь.

– Что-нибудь понимаешь? – спросила я Алину.

– Кажется, мы попали, – картинно вскинув брови, прошептала та.

Трудно было не согласиться.

Познакомиться с дипломированной заклинительницей нам довелось во время ужина. Матушка Афанасия восседала за отдельным столом и поглядывала на остальных, как прокурор на обвиняемых. Чёрная мантия и шапочка-таблетка вполне вписывались в этот образ. Послушницы расположились за тремя длинными столами и оторвались от своих тарелок только для того, чтобы взглянуть на вошедших: нас привела Анфиса. В трапезной присутствовало порядка пятидесяти девушек, и все они, по точному замечанию Алины, были страшны как на подбор. В жизни не встречала столько дурнушек одновременно. Ну одна, ну две на пятьдесят. А тут – все! Их будто отловили и спрятали в монастырь, чтобы не портить общее впечатление от человечества. Теперь стало понятно, почему Анфиса упорно называла меня и Алину красавицами. Положим, я считала себя средней, но здесь реально претендовала на звание вице-мисс по красоте.

Все девушки были одеты в длинные сарафаны и блузки с пышными рукавами, хотя завистливых взглядов я не заметила, наши столичные шмотки – в большей степени Алинкины, конечно – впечатления ни на кого не произвели. Что-то было не так с этим девичьим коллективом.

Анфиса провела нас между рядами и усадила за стол к настоятельнице. Та смерила прокурорским взглядом сначала Алину, потом меня и отложила в сторону приборы. Лицо у матушки было до крайности неприятным, в самый раз для комиксов-ужастиков позировать. Я уставилась в тарелку и с усердием ковырялась вилкой в тушёной капусте.

– Как в охотничий домик попали, девы? – поинтересовалась настоятельница скрипучим голосом.

– В охотничий? – удивлённо переспросила Алина.

– Вас нашли у горящего сарая.

– Не представляю, – вполне искренне сказала Алина, толкнув меня локтем, отчего вилка выпала из моей руки и звякнула о край тарелки. – А ты?

– Помню только лес, – пробормотала я, потупившись.

– Имена-то хоть свои не забыли? – строго спросила матушка.

– Забыли! – ответили мы одновременно и, пожалуй, поспешно.

– Вот что я предприиму, – тоном, не допускавшим возражений, объявила настоятельница, – извещу графа Верова. У него дочь недавно пропала. Пусть посмотрит, не одна ли из вас. – Она встала, не замечая нашей растерянности, и обратилась к остальным: – Приятного аппетита, девы! Я удаляюсь на молитву.

Все поднялись, постояли с минуту, опустив головы, но как только за настоятельницей закрылась дверь, оживились. Одни продолжили трапезу, другие подскочили к нашему столу. Не подоспей на помощь Анфиса, мы остались бы голодными: девушки сыпали вопросами не хуже экзаменационной комиссии, пожелавшей завалить нерадивых студенток. Дискуссия велась вокруг нашей родословной. Кого-то устраивала версия о беглой графской дочери, кто-то склонялся к переносу попаданок из Большого мира. Один вопрос задавали регулярно:

– Неужели ничего-ничего не помните, девочки?

– Абсолютно! – упрямо твердила Алина. Я лишь кивала.

– Если одна из них леди Верова, – пожимала плечами брюнетка с огромным крючковатым носом, – кто тогда вторая?

– Служанка или компаньонка, – предполагала блондинка с оттопыренными ушами.

Я кашлянула, чуть не подавившись. Алина вела себя надменно и поглядывала свысока. Роль служанки, как можно было подозревать, выпала мне. Я ни секунды не сомневалась, что граф, приехав на зов настоятельницы, будет разочарован, но пока этого не случилось, мне придётся выслушивать все эти версии. Впрочем, было и кое-что интересное. Из плотно окружившей нас толпы донеслось предположение:

– Леди Верова не хотела ехать в Школу заклятий, поэтому и сбежала.

– Вот ещё! – возмутилась Анфиса. – Школа заклятий – лучше место для девушки высокого рода. Таких возможностей не упускают.

– Верно, – подтвердил кто-то, – нам туда не попасть.

Анфиса нравоучительно подняла указательный палец:

– Полагаю, леди хотели сосватать, она и спряталась.

Алина довольно громко хмыкнула, привлекая внимание, отодвинула пустую тарелку и встала:

– Попрошу оскорбительных предположений не строить. Нехорошо!

Вздёрнув нос, она прошагала мимо опеших послушниц и направилась к выходу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Оказавшись в комнате, моя соседка принялась наматывать круги, её чрезвычайно возбудила перспектива стать аристократкой, меня же терзали сомнения:

– Послушай, – приступила я к ней, – это, часом не квест, а?

– В смысле? – она остановилась напротив меня и скрестила руки на груди, – Что ты имеешь в виду?

– Сдаётся мне, твой богатенький папа решил развлечься, устроил дочери приключение.

И я под раздачу попала.

Алина прищурилась с задумчивым видом – не сразу отмела мою догадку, поскребла ногтями кожу на голове и, вздохнув, сказала:

– Пожалуй, даже для моего отца это чересчур накладно. Поди сыщи столько уродин, тут целый кастинг надо устраивать. А всё ради чего? У меня комплексов по поводу внешности никогда не было... Хм.

Я осталась при своём мнении и даже немного рассердилась на Алину за её упорство: нельзя же не замечать очевидного!

Сон не шёл. Я лежала в кровати и прокручивала в голове случившееся, находя всё новые подтверждения своей догадке. Геннадий Прилучный, судя по рассказам Алины, человек состоятельный, бизнес собирался передавать старшему сыну тридцати пяти лет, а дочь его чаще огорчала, чем радовала. Вполне возможно, решил папаша устроить ей хорошенькую встряску, чтобы мозги на место встали. Например, велел бежать от «бандитов», собаку дрессированную подбросил, чтобы рыть подкоп помогала и во время поджога разбудила. Рискованно, конечно, но если в пяти метрах от сарая пожарная команда дежурила – вполне оправдано. Теперь новое испытание: монастырь, больше похожий на секту, ряженые монахини, альтернативная история... Как тут крышаку не съехать?

Я в очередной раз взбила подушку, подоткнула под бока одеяло и прислушалась к равномерному сопению соседки. Вот у кого не нервы, а канаты! Можно только позавидовать. «Ну, ладно, – успокаивала я себя, – завтра придет «граф», которым окажется господин Прилучный, и развлечения свихнувшихся от избытка денег богатеев завершатся, во всяком случае, для меня».

Встреча произошла на следующее утро. Анфиса прибежала за нами ещё до завтрака и, заметно волнуясь, сообщила, что матушка Афанасия ждёт в кабинете. Мы были одеты, но Алина не торопилась: по-особому заплела волосы, похлопала себя по щекам, добиваясь

румянца, и посетовала, что оставила в сарае сумку с косметикой. Я недоумевала: даже если она не подозревает, что игру устроил её отец, зачем понадобилось производить впечатление на несчастного графа, будто от того, как выглядит незнакомая девица, могло что-то зависеть.

Я, чувствуя себя лишней, идти не собиралась, но Анфиса настояла, мол, матушка велела явиться обеим. У дверей кабинета я сжала кулачки наудачу: пусть это будет квест, и за дверью нас ждёт настоящий Алинкин папаша.

Граф стоял около окна. Одет он был в безупречно сидевший на стройной фигуре тёмно-синий костюм: отутюженные классические брюки, длинный приталенный пиджак. Граф не повернулся, когда мы вошли, смотрел в сад так, будто благоухавший вопреки природным часам цветник заслуживал больше внимания, чем потерявшаяся дочь. Алина стрельнула взглядом на мужчину и ничем не выдала узнавания. Либо не узнала родного отца, либо сделала вид, что не помнит его.

Матушка Афанасия сидела за огромным письменным столом, одним движением сросшихся бровей указала нам на кожаный диван. Как только мы опустились на него, проскрипела:

– Они здесь, ваше сиятельство, соблаговолите взглянуть.

Мужчина медленно повернулся, и надежды мои рухнули. Граф был молод – не больше сорока лет на вид – и красив. За нами приехал не Геннадий Прилучный. У меня в боку закололо. Игра непозволительно затягивалась. Мужчина внимательно всмотрелся в наши лица. Я замерла, Алина тоже не шевелилась. Нас будто загипнотизировали серые холодные глаза, удивительно сочетающиеся с чёрными ресницами, бровями и бакенбардами.

– Ничего не помнят? – спросил он настоятельницу довольно приятным глухим баритоном.

– Ничегошеньки, – подтвердила та.

– Это она, – сказал граф. – Подготовьте обеих, я их заберу.

Больше не удостаивая взглядом никого из присутствующих, мужчина покинул кабинет. Мы продолжали сидеть, словно приклеенные. Наконец, Алина пошевелилась:

– Куда он пошёл?

– Хочет взглянуть на место, где вас нашли. – Матушка выбралась из-за стола и, обойдя его, остановилась напротив: – Вспомнила папу?

Смотрела она на Алину, хотя граф не сказал, кто из нас его дочь. Это меня успокоило: всё-таки игра. Я здесь оказалась случайно, затеяли квест ради Алины. Что ж, придётся ещё немного потерпеть.

Во время завтрака мы разделились. Прилучную окружили девушки, советовали как избежать сватовства. По их мнению, нужно было настаивать на обучении в Школе заклятий. Там и жениха получишь более перспективного, и заклинания составлять научишься – дома будет проще управлять. Это всё звучало забавно, но меня в первую очередь интересовало, как отсюда свалить. Я подсела к Анфисе и расспрашивала: что называют Большим миром и каким образом туда попадают. Послушница хоть и удивлялась моему беспамятству, рассказала-таки многое. Повествование выглядело небылицей, но вполне подуманной и логичной, так что организаторы квеста заслужили уважение.

По словам сестры Анфисы, давным-давно повадился в эти места огнедышащий дракон. Прилетал он как раз в конце апреля и требовал приводить к нему двух самых красивых девушек, иначе грозился спалить все деревни до чёрных головёшек. Ослушаться было нельзя, вот и оставляли чудищу откуп.

– ...Когда охотники вас нашли в том самом жертвенном месте, так и думали, что опять дракон наложниц требует! – округлив глаза, шептала Анфиса. – Решили, что не понравились вы чудищу, вот и поджёг сарай, а на селенья не полетел, потому что условие люди хоть и плохо, но выполнили.

- Ты говоришь «опять», – уточнила я, – выходит, в последнее время не прилетал?
- Давно уже не появлялся, – подтвердила она. – Перехитрили змеюку люди.
- Как же? – я притворно закашлялась, пряча улыбку в кулак: ну и актриса эта Анфиса!

Не иначе как в театральном их набирали для квеста.

– Жила тут неподалёку знаменитая заклинательница, – вещала девушка, не замечая моих ухмылок, – к ней и ходили будущие матери с нижайшими просьбами: даруй сына, а если всё-таки дочь родится, так пусть будет некрасивой.

– О как! – меня удивило объяснение повышенной концентрации дурнушек.

– Пришло время, когда в деревнях ни одной красивой девушки сыскать стало невозможно. Поглядел дракон на тех, кого ему предлагали да и плюнул: перевелись красавицы.

– Спалил деревни-то?

– Многие погорели, но больше не прилетал.

– А как же Большой мир? – напомнила я.

– Не торопись, скажу. – Анфиса, выдерживая паузу, выпила киселя, поставила чашку и, облокотившись на стол, продолжила: – Настала спокойная жизнь, о драконе забыли. А девочки-то всё страшенькие рождаются. Так ополчились на заклинательницу люди: верни нашим дочерям красоту!

– Не вернула! – догадаться было нетрудно.

– Осерчала. Так крепко осерчала, что сочинила необратимое заклинание. Мир разделила. Сама в Большой ушла, кого хотела с собой забрала, а недовольных здесь оставила. Что там творится – нам неизвестно. Знаю только, что из одного мира в другой без её позволения перейти невозможно, – говорила послушница серьёзно и даже печально.

– Как можно позволение получить? – насторожилась я.

– Как получишь, – вздохнула Анфиса, – ежели ты здесь, а она – там?

– Погоди-погоди! – поймала я рассказчицу. – Эта твоя заклинательница бессмертная, что ли? Речь шла о давних временах...

– Так по наследству дар-то передаётся, – с укором посмотрела на меня девушка, – понятно, что дочери её, внучки, правнучки способны были такое заклинание выдумать. А у нас вряд ли равные ей остались.

Я покосилась на стол, за которым сидела настоятельница:

– А матушка Афанасия?

– Матушка? – взглянула туда же Анфиса, подпёрла щеку и покачала головой: – Сильнее её не найти, но и она не сможет. Разве...

– Что? – встrepенулась я.

– Разве что в Школе заклятий кто остался.

Что ж, со следующим этапом игры мы с Алиной хоть и разными путями, но определились.

Проводить нас вышли все до одной послушницы. Жилой корпус оказался одноэтажным и не очень большим, чуть поодаль стоял пятиглавый храм и ещё одно здание, называемое учебным. Я успела выяснить, что обучают здесь вполне обычным предметам. Упор делают на элементарную финансовую грамотность, психологию и домоводство, прививают навыки ухода за недужными. Ни о каких заклинаниях речи не было – это прерогатива аристократок, а при монастырях воспитывают девушек из обычных семей. Пришлось признать, что в лице графа, удочерившего одну из нас, нам улыбнулась удача. Осталось только убедить его сиятельство определить меня и Алину в Школу заклятий.

Не могу сказать почему, но я ожидала увидеть карету и тройку долгогривых лошадей. Вид безлошадного экипажа, ожидавшего за воротами, вызвал у меня когнитивный диссонанс. Прилучная тоже остановилась и присвистнула от удивления. Это был недоавтомобиль. Он имел большие колёса, просторный кузов с отделением для багажа, но ничего похожего на капот я не увидела.

– Как это движется? – спросила я стоявшую рядом Анфису.

Та лишь пожала плечами, видимо, устав удивляться моим вопросам:

– Заклинанием! Как же ещё?

Не... ну как ещё-то... заклинанием, конечно.

Прощались со слезами. Я уже перестала удивляться актёрскому мастерству девушек. Граф стоял чуть в стороне вместе с настоятельницей и – как можно было догадаться – благодарил за возвращённую дочь. Я, всё ещё надеясь, что представление вот-вот закончится и организаторы освободят нас от прохождения следующего этапа, оглядывалась в поисках телекамер и толп зрителей, готовых выбежать из кустов с криками: «Розыгрыш! Поздравляем!»

Ничего подобного не наблюдалось. Господин Веров, сохраняя непроницаемое выражение красивого лица, простился с матушкой Афанасией и подошёл к экипажу. Сам отворил дверцу и откинул подножку.

– Прощайте, девы, счастливого пути! – благословила нас настоятельница и подала знак своим подопечным.

Те с готовностью развернулись и поспешили скрыться за воротами. Мне от этой слаженности стало не по себе. Возникло сиротское чувство, привычное по жизни. Впервые я испытала его, когда развелись родители. Потом, когда я съехала от бабушки с дедушкой. А в последний раз, когда выгнала Дениса. И вот опять.

4. Самозванки

Внутри экипажа оказалось довольно просторно. Стоя, мне приходилось лишь немного наклонять голову, чтобы не упираться в потолок. В боковых дверях имелись большие окна с приподнятыми жалюзи, так что можно было смотреть на бегущие мимо обочины. Два широких дивана – на четыре человека каждый – стояли вдоль глухих передней и задней стенок. Серьёзно? А как следить за дорогой? Ни облучка, ни запяток я у этой прикольной кареты не заметила. Где устроится водитель или кучер, или как их тут кличут?

Мы уселись по ходу движения, граф зашёл следом, нажал витиеватый рычажок – подножка спряталась под полом – и расположился напротив. Подарив каждой из нас водянистый взгляд, кивнул своим мыслям и протянул руку к диску размером с блюдце на стене. Господин Веров повернул его на несколько делений, отсчитав щелчки, и произнёс длинную неразборчивую фразу, из которой знакомым было только слово «домой». Мы с Алиной покачнулись и инстинктивно вцепились друг в друга. Машина набирала скорость. Двигалась она бесшумно, если не считать поскрипывания рессор и шуршания шин по брусчатке.

Не веря в происходящее, я смотрела в окно. Кусты и деревья проплывали мимо, приветливо помахивая ветками с молодой листвой – их раскачивал усиливающийся ветер. Набрали мы навскидку пятьдесят километров в час, и всё же было страшновато ехать вслепую. Я неотрывно наблюдала, как лесной пейзаж остался позади, замелькали красивые каменные дома, огороженные невысоким штaketником. Дворы и палисадники выглядели ухоженными, буйства красок, в отличие от монастырского хозяйства, там пока не было, лишь скромно выглядывали из земли первоцветы и кое-где зажглись фонарики нарциссов. В деревне наш драндулет по собственной прихоти сбавил ход и время от времени посылал в пространство писклявый сигнал, пугая кур, индюков и гусей, разгуливающих вдоль дорожного полотна. Собак эти звуки не смущали, то одна, то другая, то сразу несколько шавок резво бежали рядом с колёсами и залиисто лаяли, прогоняя чужаков.

Не успевали мы выехать из одной деревни, как попадали в следующую – селения стояли плотно, разделённые либо небольшим лугом, либо садом, либо перелеском. В новой деревне всё повторялось: медленное движение, лай собак, писк клаксона и горделивые взгляды гусаков.

Мы молчали. Не знаю, как Прилучная, а мне было неуютно с графом. Он сидел с выпрямленной до невозможности спиной, едва отклонившись на спинку дивана, и пристально смотрел на нас. Никаких эмоций его лицо не выражало. Складывалось впечатление, что поочередно изучая шатенку и брюнетку, он выбирает, которую назначить дочерью. Мне подумалось, что я больше похожа на этого человека, во всяком случае, цветом волос. Правда, глаза у него серые, но не как у Алины – у неё значительно темнее, что-то типа мокрого асфальта, а у графа дымчатые, как лёд на озере. Лишь чёрные узкие зрачки привлекали внимание.

Приблизительно после часа езды спутница заёрзала и наклонилась к моему уху:

– Долго ещё?

Нашла у кого спрашивать! Я нервно дёрнула плечом. Прилучная напряглась, и я ждала от неё какой-нибудь выходки: либо залепечет елейным голоском, обращаясь к «папуле», либо начнёт выдвигать требования. Вероятно, граф тоже почувствовал перемену в её настроении, он прикрыл глаза и устроил затылок на краю диванной подушки, будто задремав. Меня после ночи долгих размышлений тоже клонило в сон, и я последовала его примеру.

Очнулась от тычка острым локтем под рёбра. Вздрогнула, просыпаясь, и толкнула Алину в ответ:

– С ума сошла?

– Смотри! – она восхищённо пялилась в окно.

Мы притормаживали около трёхэтажного дворца, выстроенного из кирпича в псевдорусском стиле. Очень красивого, похожего на терем.

Тело дворца со стрельчатыми окнами, украшенное обилием разноцветных изразцов, фресок и кованых элементов, зажали в объятиях три башни. Две из них венчали «шатры», а последнюю – похожая на рыцарский шлем крыша. Главную башню – одну первых из двух – можно было отличить сразу: в нее вела широкая лестница, а под кровлей красовался балкон с красивой балюстрадой и такими же, как на крыльце колоннами.

Видя это великолепие, я замерла с раскрытым ртом. Никак не могла сообразить, почему никогда ничего не слышала об этом месте? По идее, здесь должны бродить орды экскурсантов. Новодел? Непохоже, слишком грандиозно даже для Геннадия Прилучного.

К экипажу подскочил шустрый старичок в ливрее. Он распахнул дверь, опустил подножку и отступил, кланяясь графу – он вышел из кареты первым и, не глядя ни на кого, бросил слуге:

– Отведи обеих в башню, Дормидонт.

Я стала подниматься, но Алина слишком энергично двинулась с места, толкнув меня, и я, потеряв равновесие, опустилась обратно на диван. Засмеялась и не сразу смогла успокоиться и выйти из кареты. Нарядный дедуля ждал с самым добродушным видом, какой только можно изобразить. Весёлые морщинки разбегались вокруг голубых глаз с выцветшими ресницами, седые лёгкие волосы, обрамлявшие обширную лысину, вздыбил крепнувший ветер, на бледно-розовых губах играла приветливая улыбка.

– Добренький вечер, барышни! – прогнусавил он и указал на башню под «шлемом»: – Прошу покорно!

Эта часть дворца напоминала голову сказочного богатыря с защищенной кольчугой шеей – такое впечатление возникало из-за множества фресок, покрывавших стену. Внизу скучным прямоугольником темнела дверь, а подойдя ближе, я разглядела на высоте третьего этажа закрытые ставнями окна.

Старик вытянул из-за пазухи связку ключей, не глядя перебрал их, найдя нужный, и вставил его в замочную скважину. Дверь со скрипом отворилась, из темноты в ноздри ударил затхлый запах. Слуга, шепча что-то неразборчивое, пошарил за притолокой, послышался едва уловимый щелчок, и стены засветились множеством похожих на светодиоды точек.

– Пожалуйте, барышни! – повёл рукой дедуля. Алина шагнула через порог и направилась к винтовой лестнице, я шла следом. В спину нам донеслось: – Ужин будет через час.

Закрылась дверь, щёлкнул замок. Мы, столкнувшись, бросились обратно. Дверь под нашим натиском не поддавалась. Ловушка? Прилучная колотила по толстым доскам, рискуя заработать синяки на руках:

– Эй! Как там тебя? Дармоед! Отопри сейчас же! Я отцу пожалуюсь, тебя уволят!

– Тихо, – одёрнула я разбушевавшуюся подругу и, когда она замолчала, прислушалась. – Ушёл, кажется.

– Нет, – Алина упёрла руки в бока, – как тебе это нравится? Заперли! Взяли все моду!

– Давай посмотримся, – предложила я, – мне, честно говоря, в туалет нужно. Есть тут ведро какое-нибудь, или вообще хоть что-то подходящее...

– Хм, – хмыкнула Прилучная, – ведро! Ладно, пойдём поищем.

Поднявшись приблизительно на этаж, мы обнаружили дверь, а заглянув за неё, хором издали победный клич: в просторном помещении оказался вполне современный санузел! Здесь была и ванна, и душевая кабина и даже сауна. Неудобство заключалось только в том, что мы не знали, как включить свет.

На следующем этаже мы нашли каморки, заваленные хламом. Не стали даже соваться в них, опасаясь в темноте покалечиться. На третьем этаже обнаружили три комнаты, в которых явно давно никто не жил – это чувствовалось по застоявшемуся воздуху и слою пыли,

покрывшему все предметы. Я открыла окна и распахнула ставни, пуская внутрь свежий ветерок. Стало веселее. Пока найденным в бельевом шкафу полотенцем протираю пыль, Алина обследовала помещения.

– В той комнате – гостиная, в той жила женщина, а в этой девочка.

– Ценное наблюдение, – усмехнулась я.

– Что если он – Синяя борода?

– Кто?

– Граф!

– Или маньяк, – усмехнулась я, – заманивает девушек во дворец, запирает в башне, а потом...

Алина захихикала и махнула рукой:

– Здешних девиц видела? Скорее, они парней в башнях запирают.

– Хорош болтать, – начала сердиться я, – давай немного приберёмся. Неизвестно, сколько времени они собираются нас мучить.

– Кто они? – удивлённо вскинула брови Прилучная.

– Эти... организаторы квеста.

Она опустила на узкую кровать – мы были в предполагаемой детской – и, постучав пальцем себя по виску, спросила:

– Лен, ты реально не врубаешься?

Я остановилась напротив, почёсывая запястьем лоб:

– Давно врубилась. Ты, смотрю, тупишь.

– Подруга, мы с тобой по-па-дан-ки.

– Попа... чего? – подошла я ближе.

– Попаданки! Ты книги не читаешь, что ли?..

Дальше следовала лекция на тему попаданства. Прилучная, как выяснилось, в этой теме ориентировалась, как шахматист на клетчатом поле. Не берусь даже близко представить, сколько она проглотила романов и пересмотрела сериалов. Попаданство в прошлое и будущее и на другие планеты она отмела с уверенностью. Выбрала для нас попадание в магический мир.

– На полном серьёзе так думаешь? – уточнила я.

– Блин! Ленка! Ну ты тормоз! Карета, видала, как ехала? Без водилы! Магия!

– Почему? – упрямылась я. – Автопилот. Вполне реальная штука.

– Как же! А мотор где? А бензин куда заливать?

Я пожала плечами, но не сдавалась:

– На солнечных батареях, например. Мало ли какие тут эксперименты...

Спор пришлось прервать – внизу послышались голоса, раздались шаги на лестнице, и в комнату ввалилась целая делегация. Две служанки принялись накрывать стол в гостиной, двое заправляли свежим накрахмаленным бельём постели, ещё две занялись мебелью и полами. Активная деятельность не оставила сомнений, что уже через десять минут в нашем новом жилище будет чисто и красиво. Знакомый нам дедуля стоял у выхода на лестницу, упреждая наши попытки слинять. Мы, оценив обстановку, и не пытались. Сели за стол и принялись за еду. А кормили тут неплохо.

После ужина мы остались одни в чистых проветренных комнатах. К вечеру похолодало, окна я закрыла и спохватилась, что не выяснила, как зажигать свет. Ни подсвечников, ни канделябров сколько ни искала, не обнаружила. Предмет, похожий на торшер, стоял около удобного кресла рядом с книжным шкафом, я даже нащупала нечто напоминавшее выключатель: кружок размером с пятирублёвую монету. Покрутила, пощёлкала – эффект нулевой. Пока совсем не стемнело, инспектировала книжные полки. На одной из них были собраны учебники. Некоторые содержали вполне привычные параграфы и задачи: арифметика, грамматика, химия, ботаника... А вот история – это нечто! Никаких совпадений с известными мне фактами. Это же

касалось и географии. В окончательный ступор ввёл меня «Справочник по бытовым заклинаниям». Вертела томик так и сяк, пытаясь определить, в чём подвох. Судя по состоянию, он не был новым: бумага пожелтела и высохла, да и запах типографской краски выветрился, отдавало пылью и немного плесенью, уголки страниц запачканы, некоторые загнуты. Читала его, усевшись на подоконник – тут было светлее. Заклинания разделялись по разделам. Простейшие заговоры от хвори я пролиставала, уход за домашней живностью меня тоже не впечатлил, а вот уют в доме привлёк внимание. Да! Первым шло отопление, а следом освещение.

– Итевс! – крикнула я, обращаясь к торшеру.

Ничего не произошло. Тогда я вернулась к предисловию, написанному мелким шрифтом. Из него выяснила, что диски, которые встречались там и сям – не что иное как таймер. Они запускают заклинание на определённое время. Подбежав к осветительному прибору, я щёлкнула разок, вращая кругляшок, и снова произнесла:

– Итевс.

На сей раз всё получилось. Тут же из своей комнаты выскочила Прилучная.

– Как ты это сделала? Я все стены обшарила, а выключателя нет!

Я ухмыльнулась не без злорадства: в магический мир она попала, а привычки забыть не желает! Показала Алине справочник, объяснила как устанавливать таймер и говорить заклинание.

– Супер! – ликовала подруга. – Тогда я в душ! Поможешь свет зажечь?

– Ладно, только недолго, я тоже собиралась.

Пока соседка плескалась, у меня было время изучить другие комнаты. В гостиной ничего интересного не присмотрела: добротная мебель, красивая посуда и никаких электронных приборов. Не то чтобы я страдала по телику или плееру, но должно же быть что-то такое у молодой девушки! В комнате, занятой Прилучной, тоже ничего интересного не было. Только книги. В основном, художественная литература. И ни одного знакомого автора! Читать такое желания не возникло, прихватила только «Пособие по составлению заклятий» – вдруг пригодится.

Именно содержание и состояние библиотеки стало доводом в поддержку Алинкиной теории. Для розыгрыша что-то уж слишком заморочено. Об этом мы и разговорились после того, как намытые и умиротворённые уютно устроились на диване в гостиной, завернувшись в шерстяные пледы. Впервые, надо сказать, общались как задушевные подруги. Так уж получилось: ни у меня, ни у неё никого в этом мире не было, хочется, нет ли, а придётся держаться друг за друга.

Подход к проблеме у нас различался кардинально. Я прикидывала, как вернуться домой, Алина – как устроиться здесь. Трудно было сдержать улыбку, слушая рассуждения о принципах, отборах и прочих вычитанных из романов фэнтезийных прибабасах. Прилучная всерьёз намеревалась покорять этот мир. Магия и любовь привлекали Алину куда больше, чем Кембридж, куда её собирались отправить родители.

– Ну-ну, – подначивала я, – осталось только графа убедить в том, что ты достойна принца. Судя по тому, как он нас принял, это будет непросто.

– Нечего! Прорвёмся! – бравировала подруга. – Не такие передраги одолели!

Тут она была права. Башню графского дворца, где нас заперли сейчас, даже сравнивать было нельзя с гаражом и сараем, откуда мы выбрались.

Наутро мы проснулись довольно поздно – ночью засиделись за разговором, разошлись хорошо за полночь. Сразу после завтрака потянулись посетители. Сначала простоватого вида мужчины принесли два дорожных сундука, затащили их в гостиную и ушли, отмахиваясь от вопросов. «Его сиятельство велел», – всё, чего удалось от них добиться. Потом служанки стали таскать одежду. Обеспечить нас решили, как я поняла, на весь год. Чулки, бельё, летние платья, блузки, юбки, свитера, кардиганы, брюки, плащи, шубы, береты, платки, ботинки, туфли

– все преимущественно новое. Алина придирчиво изучала каждую вещь и откладывала в сторону то, что ей показалось ношеным. Остальное примеряла, крутилась перед зеркалом и либо укладывала в свой сундук, либо бросала мне. Пришлось выслушивать вздохи об оставленных в отцовском доме тряпках и сожаления о невозможности посетить нормальный бутик.

Меня больше тревожила неоднозначность нашего положения. Чем руководствуется граф? Когда с ним можно будет поговорить? Обращения к прислуге ничего не дали. Девушки выглядели испуганными и только мотали головами, плотно сжав губы. Вероятно, в графском доме немота числилась добродетелью.

– Не парься, – успокаивала меня Прилучная, – его сиятельство нашёл дочку, вот на радостях и завалил подарками.

– Тебе не хуже меня известно, что леди Веровой среди нас нет.

– Почему это? – Алина подбоченилась с таким видом, будто сейчас из сундука достанет паспорт, где указано, что она и есть леди Верова. – Он так считает, значит, так и есть!..

Видя на моём лице сомнения, она принялась толкать новые теории о попаданках. Бывает, что человек оказывается в чужом мире в чужом же теле. Но это не наш случай, поскольку тела остались при нас. Нам, по мнению Прилучной, подходил иной вариант: параллельных мирах живут двойники, они иногда меняются местами.

– ...Дошло? – с превосходством спросила Алина.

– Хочешь сказать, – рассуждала я, – что сейчас в Москве мыкаются две девушки из этого мира?

– А чего ты переживаешь? Уж мою-то отец сразу нашёл – точняк! Да и твою, наверное, недолго искали. Полежат немного в психушке и адаптируются.

Я только плечами пожала. Интуиция мне подсказывала, что Алинкина теория хромает на четыре ноги. Спорить с ней бессмысленно, оставалось только ждать разговора с графом Веровым.

Это случилось на третий день нашего заточения. Вскоре после обеда, когда я листала «Справочник по бытовым заклинаниям», а Прилучная в очередной раз примеряла обновки, за нами пришла горничная. Девушка присела в реверансе, затравленно глядя на Алину, и пролепетала:

– Граф просит пожаловать к нему.

– Пожалуем, – бодро объявила Прилучная, – отчего ж не пожаловать?! – Она ещё разок повернулась перед зеркалом, оценивая короткий сиреневый жакет и чёрную юбку-карандаш, довольно угукнула и крикнула мне: – Лен! Пошли к папе! – А когда я выползла из своей комнаты, удивленно спросила: – Ты прямо так собралась?

Я по-прежнему щеголяла в джинсовом комбинезоне, только кофточку сменила. Игнорируя неудовольствие подруги, переодеваться не стала, и вскоре мы обе предстали перед светлыми очами его сиятельства.

Кабинет графа находился в центре основного здания на втором этаже. Просторная комната, заставленная книжными шкапами, в центре стоял огромный стол, с каждой стороны которого по шесть задвинутых стульев. В глубине комнаты – кожаный диван, на него нам и было велено сесть. Сам господин Веров прохаживался, давя высокий ворс тёмно-бордового ковра бесшумными шагами. Мне почудился запах мускуса – граф надушился перед встречей с нами? Это казалось обнадёживающим фактом. Пусть его светлость пытается произвести впечатление бессердечного человека – это лишь маска. Да и мало ли какие у него причины сердиться на дочь!

Наконец, мужчина прекратил мельтешить и остановился напротив нас.

– Не знаю, кто вы такие и зачем притворяетесь. Мне нужна девушка, готовая выдать себя за леди Верову, поэтому вы здесь. Полагаю, времени на обдумывание было достаточно, поэтому отвечайте – согласны?

Мы с Алиной сцепили руки, боясь пошевелиться. Нет никаких двойников. Всё с самого начала было обманом!

– Во-первых, нас двое, – хрипло начала я, прокашлялась и продолжила: – И мы не хотим разлучаться. Во-вторых... что нужно делать?

Граф посмотрел на меня так же, как тогда в карете, потом долго изучал Алину, которая старалась держать лицо, не достаивая «папочку» ответным взглядом.

– Разлучать вас никто не собирается, – сказал сухо, – придумаю что-нибудь. А делать... Что обычно делают девушки из аристократических семей? Один курс Школы заклятий... и замуж!..

Мы с Прилучной переглянулись. В её глазах я увидела вопрос о принце, и едва заметно покачала головой: не время, главное – выбраться из башни, а там решим.

Графа раздражали наши переглядки, он повысил голос:

– ...Кто из вас будет Полиной – мне безразлично, решайте сами.

– Кем? – приподнялась Прилучная.

– Полиной. Моей дочерью, – уточнил граф.

– Чур, я! – тоже громче сказала она.

Граф усмехнулся:

– Пусть так. Твои документы готовы. А вот с племянницей... – он посмотрел на меня, – надеюсь определиться завтра.

Подойдя к столу, граф позвонил в колокольчик. Тут же в дверь вбежала горничная и замерла, поджидая нас. Мы попрощались и отправились обратно в башню. Едва остались одни, Прилучная принялась восторгаться: как ей повезло получить созвучное имя, не придётся долго привыкать! Я больше радовалась тому, что попаду в Школу заклятий как племянница графа Верова. Она ведь тоже аристократка. А о том, сколько оканчивать курсов и когда выскакать замуж, можно подумать позже.

Привычка находить информацию в интернете здорово меня разбаловала. Эх! Сюда бы сейчас смартфон с выходом во всемирную паутину! За пять минут выяснила бы всю подноготную графа Верова, познакомилась с семьёй, включая дочь и племянницу, а так же – что меня волновало больше всего – скачала бы учебный план Школы заклятий. Чему там учат вообще? Меня основательно напрягли слова послушницы Анфисы о том, что редко кто получал диплом, ученицы отсеивались уже после первого курса. Веров об этом же говорил. Так сложно учиться? Заставляют зубрить миллион заклинаний наизусть? Попробуй запомни эту абракадабру!

Прилучная отмахивалась от моих опасений, я же не могла об этом не думать. Дело даже не в том, что привыкла блистать в учёбе. Сейчас это было жизненно важно. В колледже я стала лучшей вовсе не из-за синдрома отличницы, а потому что хотела поскорее обрести самостоятельность, а для этого требовались твёрдые знания в профессии. Пусть неинтересной, зато востребованной. Теперь мне нужно найти дорогу домой, и я сомневалась, что одного курса школы для этого достаточно.

На сборы граф выделил нам два дня. Вещи укладывали служанки, Алина профессионально руководила. Я пыталась заняться собственным сундуком, но была послана, «леди Верова» едко заметила, что для этого существуют специально обученные – читай, нанятые – люди. Проще было согласиться, чем что-либо доказать, поэтому я переключилась на книги.

К моей радости, утром накануне отъезда горничная принесла блокнот, исписанный каллиграфическим почерком. Его сиятельство счёл необходимым подковать нас на предмет истории рода. На первой странице было нарисовано генеалогическое древо, не полностью, а только ветви, касавшиеся теперешней ситуации. Понятно, что юным девушкам полагается помнить

имена ближайших родственников, чтобы не оплошать при встрече с тем, кто близко знаком с семейством.

Из рисунка я узнала, что сестра графа Верова вышла замуж за князя Морковина. Тут Прилучная просчиталась – «моя» семья оказалась более родовитой. У супругов Морковиных родилась единственная дочь, нарекли её Еленой. Так что мне повезло ещё больше, чем Алине – даже имя осталось тем же. Елена старше Полины на полгода. Летоисчисление тут не такое, как у нас, но, судя потому, что в школу отдавали в восемнадцать, я «помолодела» на три года, Алинка «повзрослела» на год. Дальше шли довольно скучные факты из семейной истории. Складывалось впечатление, что граф не слишком проникся текстом, составил его формально. Кроме записей «дядюшки», моё внимание привлекли книги по истории – надо всё-таки представлять, в какой стране и в какие времена живёшь. Здесь всё было понятно. Русью правил царь. Вот как! Никаких императоров, тем более президентов, не было и в помине. Здешние принцы назывались великими князьями. Не путать с Морковиными – эти были не царских кровей. У нынешнего царя четыре сына. Наследник – Александр – двадцати четырёх лет. Далее: Мефодий – двадцати лет, Серафим – восемнадцати и Лаврентий – пятнадцати лет.

Прилучная к моим изысканиям отнеслась холодно. В существовании принца она не сомневалась – пусть он и называется иначе, а в остальном полагалась на себя, а не на почерпнутые из литературы знания. Пусть лохушки, – как она выразилась – корпят над книгами, а ей и так сердце наследника предназначено.

– Не веришь – почитай любую книгу о попаданках. – Она критически посмотрела на фолиант в моих руках, потом ещё более придирчиво на меня и спросила: – Или ты решила, что принц достанется тебе?

– Избави бог! – вспомнила я любимую бабушкину присказку.

В дорогу мы оделись в одинаковые брючные костюмы. Причём, настояла на этом Алина:

– Мы с тобой кузины. Должны выглядеть одинаково стильно.

Признаюсь, это для меня оказалось неожиданностью. Я бы не удивилась, если б Прилучная захотела выделиться на моём фоне. Увидев наши отражения в зеркале, поняла, что Алине вовсе не обязательно рядить подружку пугалом, чтобы блистать. Хотя рядом стояли одинаково стройные девушки в одинаковых костюмах цвета шоколада, взгляд останавливался на яркой шатенке, а вторая была просто рамой для шедевра. Не скажу, что меня это огорчило, я лишь вспомнила Дениса, тот настойчиво звал замуж эту замухрышку. Притом что сам был красавчиком. Не странно ли?

– Чего застыла? – выдернула меня из воспоминаний Алина. – Пора в дорогу!

Для отъезда в Школу заклятий граф выделил нам ту самую безлошадную карету, на которой привёз из монастыря. Сопровождающим ехал Дормидонт – старичок-одуванчик. В его задачу входило передать двух учениц на руки воспитательнице и вернуть машину в гараж. Его сиятельство, несмотря на ранний час, вышел проводить дочь и племянницу. Документы он передал накануне – они покоились на дне дорожных саквояжей, а теперь вынес изящно инкрустированную шкатулку. Мы поздоровались и замолчали, ожидая его напутствий.

Господин Веров протянул шкатулку Алине, как великую драгоценность, со словами:

– Беречь как зеницу ока.

– Бриллианты? – дрогнувшим голосом спросила Прилучная, потянувшись к ней.

Граф нажал тайную пружинку в днище, крышка откинулась, мы одновременно охнули, удивляясь сиянию, исходящему от двух свитков.

– Царское приглашение в Школу заклятий.

– А почему светятся? – рука Алины продолжила путь к необычной бумаге, но Веров отвёл шкатулку в сторону и снова нажал пружину, захлопывая крышку.

– Сияние подтверждает наличие у вас дара.

– Но у нас нет дара, – встряла я.

– Это не имеет значения, – нахмурился граф. – Не прикасайтесь к свиткам, иначе они поблекнут.

– Так, может, тогда оставим их здесь? – с вызовом спросила Алина.

– Они потребуются, когда приедут женихи, – терпеливо объяснял его сиятельство. – Откроешь шкатулку и позволишь избраннику достать свиток, бумага будет храниться у него.

– В этом случае не поблекнет? – уточнила Прилучная.

– Ты же не собираешься замуж за простолюдина? – Граф, наконец, сунул шкатулку в руки Алине и отступил на шаг: – Прощайте, и не вздумайте здесь появляться. Отныне наши пути разошлись.

– Простите, – остановила его я, – ещё один вопрос: ваша настоящая племянница не хочет ехать в школу?

– Она уже три года ничего не хочет, – холодно отреагировал Веров, – Елена умерла. Родители скрыли этот факт. Считай, что ты своим появлением выручила их.

– Как? – удивилась я. – Почему скрыли?

Его светлость посмотрел на меня как на дурочку, пожал плечами и сказал:

– Женщине под сорок нелегко решиться на второго ребёнка.

Демонстрируя нежелание продолжать разговор, его сиятельство развернулся на каблуках и пошагал к дому. Подскочивший Дормидонт, одетый на этот раз в скромный дорожный костюм, распахнул дверь экипажа и вытащил подножку. Мы с Алиной находились под впечатлением от прощания с мнимым родственником и не сразу отреагировали на приглашение слуги усаживаться. Что за мир? Что за правила? Ничегошеньки непонятно!

На этот раз в карете было не так просторно. Хотя сундуки поместили в багажное отделение, рядом с нами стояли саквояжи, а на противоположном диване лежали упакованные в чехлы шубы и пальто. Дормидонту остался кусочек сидения в углу кареты. Дедуля ничем не выдал неудовольствия, притулился к стенке и задремал сразу, как мы отъехали. Нам оставалось лишь надеяться, что старик правильно запрограммировал таймер и не ошибся с заклинанием.

Первое время мы помалкивали, но когда наш спутник начал посапывать во сне, стали перешёптываться.

– Лен, – начала разговор Алина, – что это было вообще?

– Что конкретно?

– Почему он велел нам проваливать навсегда?

Это как раз было понятно: зачем графу видеться с посторонними девицами? А вот почему они с сестрой скрывают смерть Елены Морковиной и бегство Полины?

– Ты за принца замуж собираешься, граф тебе даром не нужен. Меня больше беспокоит, что будет, если Полина вернётся.

– Не вернётся, – без тени сомнений заявила Прилучная. – Думаю, она с любовником сбежала. Из простых. Отец бы за такого не отдал, вот и... – Она встрепенулась: – А мамаша, кстати, где?

– Ну ты даёшь! – возмутилась я и полезла в саквояж за блокнотом. – Я же тебе зачитывала. Умерла графиня восемь лет назад.

– Блин! Ленка! – отмахнулась подруга. – На словах расскажи. Меня от этих записей в дрожь бросает. Заколдовал он их, что ли?!

– Меня не бросает, – пожала я плечами, но спорить не стала, убрала блокнот и принялась пересказывать мнимой леди Веровой её семейную историю...

За разговором время шло быстро. Где-то около полудня мы покинули плотно заселённые места. Дорога по-прежнему была гладкой и широкой, но то взбиралось на холм, то спускалось в овраг. Магический интеллект работал безукоризненно: скорость увеличивалась при подъёме

и уменьшалась при спуске. И всё-таки сердце ёкало каждый раз, будто мы катались на аттракционах.

Прилучная замолчала, зачарованно глядя в окно. Там открывался великолепный вид. Под высоким синим небом зеленели поля, поблёскивали серебром полноводные речушки, взбегали на вершины холмов белоствольные берёзы, ещё не нарядившиеся в сарафаны зелени. Из-за отсутствия шума двигателя мы хорошо слышали соловьиные трели, щебет щеглов и чижей, трели жаворонка, крики ворон и кукушек.

– Как же классно, Алин! – не удержалась я.

– Полин, – поправила она, – привыкай называть меня Полина.

– Хорошо, Полина, – сказала громко.

Дормидонт заворочался и разлепил глаза:

– Что, барышни, уже приехали?

– Пока нет, – ответила Прилучная.

Старик прилип носом к оконному стеклу и пробормотал:

– Приехали! Сейчас покажется!

– Вы здесь бывали? – спросила я.

Дормидонт откинулся на спинку дивана и указал подбородком на мою соседку:

– Мамку её вёз отсюда, когда его сиятельство сосватал.

Мы с Алиной переглянулись, недоумевая: старик не знает, что она не леди Верова, или так хорошо притворяется?

Прилучная прищурилась и спросила:

– Они любили друг друга?

– Любили? – Глаза старика расширились от удивления. – Кто ж нынче про любовь мечтает! – Немного помолчав, он сокрушённо вздохнул: – Сперва всё хорошо было, а как дочь родилась... Запер его светлость жену в башне на десять лет. До самой смерти. Мы их не видели. Немудрено, что сбежала, сердечная... – Он посмотрел на Полину-Алину, и в глазах у него сверкнули крупные слезинки.

Вот, значит, как... Очередная наша теория провалилась. Сбежала леди Верова вовсе не к любимому, а от самодура-папаши. Теперь понятно, почему он не хочет нас видеть. Никто его светлости не нужен.

5. Школа

Экипаж свернул с основной дороги на узкую, мощёную булыжником, и стал подниматься на пригорок. В правое окно поверх верхушек растущих в низине деревьев мы увидели остроконечные крыши. Башни замка контрастным негативом выделялись на фоне неба, освещённого закатными лучами.

– Хогвартс? – удивилась Прилучная. – Мы там будем учиться?

Дормидонт наклонился и тоже взглянул в окно:

– Нет. Школа чуть дальше, а это Чёрный замок, – сказал с придыханием и поспешно спрятался в свой уголок.

Я успела заметить пробежавшую по его лицу тень мистического страха и спросила:

– Кто там живёт?

Старик поморгал, глядя на меня, потом всё-таки проговорил:

– Это, можно сказать, надгробье.

Алина, довольно чувствительно опершись на моё колено, подалась вперёд и уставилась на уползавший назад чёрный силуэт замка.

– Склеп? Такой огромный! Или мавзолей? Кого же хоронят с такими почестями?

– Здесь похоронена любовь, – хрипло сообщил старик и суетливо завозился, оправляя костюм. – Подъезжаем, барышни!

Действительно, тряска прекратилась, колёса нашей кареты выкатились на площадку, засыпанную гравийной крошкой, и, прошуршав по ней, замерли. Экипаж остановился около широкого крыльца с мраморными ступенями и белоснежными статуями по краям: по одной стороне красовались нимфы, грации или музы, смотревшиеся довольно эротично, по другой – античные героини или боги, едва прикрытые мраморными одеждами и поражающими рельефными мускулами. Меня грызли сомнения: чему тут учат? Ладно бы это была школа искусств, тогда парадное крыльцо вполне бы соответствовало статусу учебного заведения. Но где заклинания, и где – полубогажённые памятники?!

Пока мы с подругой тормозили, рассматривая открывшийся вид, Дормидонт успел опустить подножку, выбраться из кареты и уже руководил подоспевшими грузчиками. Шесть крепких парней, ничуть не уступавшие накаченными фигурами каменным «Гераклам», грузили наши сундуки на тележки. Верхняя одежда из салона переместилась туда же. Я, захватив саквояж, спустилась по ступенькам и остановилась, переступая на месте на мягкой, поскрипывавшей под подошвами ботинок крошке. Прилучная пристроилась рядом, и мы синхронно вертели головами, разглядывая новое пристанище.

По бокам от основного здания с колоннами пристроены два невзрачных двухэтажных корпуса. Смотрелось это так, будто рядом с эффектной модницей идут скромные служанки. Я предположила, что некто отдал под Школу заклятий свой великолепный дворец, а позже к нему прилепили необходимые помещения, не имея достаточных средств, чтобы выдержать все в едином стиле.

Обсудить мы ничего не успели – из-за колонн показалась дама, одетая в фиолетовый сарафан до середины голени и сиреневую блузку. Судя по опыту в этом мире, это была служащая в форменной одежде. Пока женщина спускалась, Дормидонт успел завершить разгрузку и подошёл к двери кареты:

– Счастливо оставаться, барышни, – обратился он к нам, – поспешу. Мне ещё в трактир надо устроиться до ночи. А уж на зорьке домой отправлюсь.

Мы дружно попрощались с добрым дедулей и, проводив взглядами отъехавшую карету, обернулись к подошедшей даме.

– Добро пожаловать в Школу заклятий, девы! – заговорила она дребезжащим голосом. – Назовите свои имена.

Мы уже привыкли к тому, что все женщины здесь – что насельницы монастыря, что служанки графа Верова – имели отталкивающую внешность. Встречавшей нас представительнице администрации школы не повезло особенно. Складывалось впечатление, что в младенчестве её саданули по скуле боксёрской перчаткой: лицо было перекошено, правый глаз почти прикрывало нависшее веко, а левый, наоборот, казался выпученным, да и нос искривился тонким горбиком. Мы оторопело пялились на даму, она же, ничуть не смущаясь, представилась:

– Я ваша воспитательница Клавдия Семёновна, – и терпеливо повторила вопрос: – кто вы?

Смотрела она на Прилучную. Та отмерла:

– Полина Верова.

Клавдия Семёновна улыбнулась, чуть сгладив неприятное впечатление от необычной внешности, и перевела взгляд на меня:

– Елена Морковина, как я понимаю? – Я нервно кивнула, а женщина повела рукой в сторону здания и предложила: – Пойдёмте, провожу вас и помогу устроиться в общежитии. – Перехватив взгляд Прилучной, которая смотрела на парней, кативших наши сундуки по пандусу к неприметной двери в правом корпусе, она пояснила: – Вещи поднимут на лифте, а мы пройдем здесь.

Миновав колоннаду и высокие, украшенные резьбой двери, мы оказались в холле. Прямо за ним лестница с красной ковровой дорожкой вела на второй этаж, а в обе стороны уходили узкие коридоры, как можно было догадаться – в пристройки. Клавдия Семёновна остановилась, указала на лестницу:

– Это путь в учебный корпус, но вы будете ходить по тем галереям.

Задрав головы, мы увидели на уровне второго этажа балконы. Сопровождающая повернула направо и двинулась по коридору, мы семенили следом. Улучив момент, Прилучная шепнула мне на ухо:

– Воспитательница! Детский сад, да и только!

– Для детского садика крыльцо, пожалуй, оформлено слишком вызывающе, – тоже шёпотом заметила я.

За простой филёнчатой дверью нас встретила просторная комната с двумя рядами столов.

– Это для свиданий с родственниками, – пояснила Клавдия Семёновна, – когда к вам приедут...

– Это вряд ли, – перебила её Алина и, переложив саквояж из одной руки в другую и демонстративно изогнувшись якобы от его тяжести, попросила: – Нельзя ли побыстрее добраться до комнат?

Женщина молча повернулась и, ускорив шаг, прошла к противоположной двери. За ней обнаружилась небольшая площадка. Вверх вела лестница, прямо ещё двери. Клавдия Семёновна пояснила скороговоркой:

– На втором этаже общежитие. Здесь всё, что необходимо для поддержания гигиены, а дальше – спортивный зал. Будете смотреть или сразу в комнаты?

– Посмотрим, – Прилучная толкнула дверь и прошла первой.

«Всё для поддержания гигиены» оказалось отделанным белым кафелем пространством с десятком матовых душевых кабин и прятавшимися за фанерными перегородками унитазами. При входе стоял стеллаж с пронумерованными пластиковыми боксами. Воспитательница коснулась одной из коробок и сообщила:

– Ваши номера тридцать девять и сорок. Вы приехали последними, девы. Тут найдёте полотенца, умывальные принадлежности и всё, что требуется для женских немощей. Ларцы пополняют еженедельно.

Это было хорошей новостью, мы с подругой переглянулись, Полина даже подмигнула, впервые улыбнувшись со времени приезда. Дав нам возможность воспользоваться кабинками и помыть руки, Клавдия Семёновна повела нас на второй этаж. Спортивный зал мы решили пока не смотреть.

Вид общежития поверг нас в шок. Бесконечно огромный зал напоминал то ли палату в детском лагере, где зачем-то поставили письменные столы, то ли читальный отдел библиотеки, где придумали поместить кровати. По дубовому паркету шли красные линии шириной с ладонь, визуальное деление пространства на ячейки. В каждой такой соте, примыкавшей к одной из внешних стен корпуса, имелись шкаф, этажерка, кровать, тумбочка, письменный стол, стул и напольный коврик. И в каждой соте копошилась девочка-пчёлка в жёлтом сарафане.

Провожатая указала на крайние кровати и утвердительно спросила:

– Вы же предпочтёте жить рядом? Тогда, сюда, пожалуйста. В шкафах найдёте форму. Переоденьтесь, нужно убедиться, что платья вам подошли.

Я хотела поинтересоваться судьбой сундука – туда я сложила большую часть захваченных из графской башни книг, но не успела. Из противоположного конца зала по свободному центру, ограниченному продольными красными линиями, катились наши телеги. Парни сгрузили вещи и убралась. Воспитательница тоже улизнула. Настроение было на нуле. Целый год жить как на подиуме? Уединиться можно только в душевой кабине! Я огляделась. По соседству с нами никого не было. В других ячейках девушки были чем-то заняты и не обращали на новеньких ни малейшего внимания. Прилучная упала на кровать, раскинув руки и констатировала:

– Отстой! – чуть приподнявшись на локтях, сообщила мне: – Здесь тоже все страшные.

Когда только успела рассмотреть? Не собираясь разлеживаться, я занялась вещами. По идее, нас вскоре должны позвать на ужин. Хотелось вернуться в прибранную комнату. Хотя о чём я? На прибранный пятак – это название подходило больше. Минут через пять Прилучная подняла свои кости с кровати и тоже стала раскладывать вещи и развешивать наряды.

На ужин нас вела Клавдия Семёновна. Цепочка одетых в жёлтые форменные сарафаны воспитанниц походила на послушных цыплят, следующих за квочкой. Правда, Прилучная назвала это «слётом канареек». Пока мы шли в трапезную, она возмущалась здешними порядками:

– Если так будет продолжаться, я пожалею, что не отправилась в Лондон.

Только я хотела удивиться, чего это подруга вспомнила о Лондоне, как обернулась шедшая перед нами девушка:

– В Хогвартс?

– Типа того, – пролепетала Алина, сверкнув на меня глазами. В них читался вопрос: откуда здесь знают о Хогвартсе?

Хотя, если поразмыслить, почему нет? Школа волшебников вполне могла находиться в параллельном мире. Стоило проверить теорию, ведь в этом случае мы можем добраться до здешнего Хогвартса, а оттуда рвануть на платформу 9 и $\frac{3}{4}$ железнодорожной станции King's Cross и оказаться в центре нашего Лондона.

Нет – отмела я идею, мы без документов и денег намыкаемся там. Будем придерживаться прежнего плана.

– Единственное, что меня может примирить со всем этим безобразием, – продолжала причитать Прилучная, – перспектива заполучить принца.

Я пыталась одёрнуть подругу, мол, не место и не время для таких высказываний, но она лишь усмехалась, и её можно было понять, раз теперь негде будет уединиться, то и секретов

не сохранишь. Или придётся вообще не разговаривать. Я бы предпочла этот вариант, но для Алины молчание не золото, а пытка.

Идущая перед нами девушка опять отозвалась:

– Нашему потоку очень повезло! Говорят, что великий князь пожалует в школу в ближайшее время! Его высочество хочет познакомиться с воспитанницами как можно раньше. – Сокурсницу, видимо, распирало от известных ей одной секретов. Перехватив наши с Алиной недоумённые взгляды, она продолжила: – Возможно, вместе с наследником приедет и младший брат.

– Хочешь сказать, – оценивающе глянула на болтушку Прилучная, – двум из нас повезёт?

Девушка кивнула. Мы как раз зашли в трапезную и рассаживались по четверо за столик. Кроме Ефросиньи – так звали заговорившую с нами студентку – в нашу компанию попала и Домна, оказавшаяся молчуньей с недовольным выражением лица. Обе они неспешно помешивали кулеш, придирчиво изучая содержимое тарелок, мы же с Алиной, изрядно проголодавшиеся в дороге, за обе щёки уплетали жидкую кашу.

– Если уж выходить замуж, – продолжала рассуждать Ефросинья, – то ехать во Владимир и жить в царских покоях.

Личико у неё было довольно невзрачное: короткий носик, похожий на клюв, блёклые ресницы и брови, шелушащаяся кожа. Хотя, если бы за Фросю взялся опытный визажист, вполне мог добиться приличного результата. Я машинально взглянула на неё и внутренне согласилась, что шансы охмурить принца у этой девушки были. При условии, конечно, если ей не составит конкуренцию красавица-шатенка из Большого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.